

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ПАРНИ
В БРОНЕЖИЛЕТАХ

Сергей Васильевич Самаров

Парни в бронежилетах

Серия «Спецназ ГРУ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174333

Сергей Самаров. Парни в бронежилетах: Эксмо; Москва; 2004

ISBN 5-699-07493-7

Аннотация

Жизнь уже сталкивала их на узкой тропе. Оба служили в Иностранном легионе плечом к плечу. Бербер по кличке Термидор дезертировал из армии, подстерег русского Сергея Ангелова, который шел по следу, и смертельно ранил его. Теперь этот зверь в человеческом облики появился в Москве, чтобы устраивать теракты по приказу международной террористической организации. И теракты коварные по своей простоте. Террористы будут убивать людей по случайному выбору и без всякой причины. А это значит, что их практически невозможно предугадать и предотвратить. Но Термидор не знает, что Сергей Ангелов «воскрес» и снова охотится за ним...

Содержание

ПРОЛОГ	4
1	4
2	9
3	21
ГЛАВА 1	30
1	30
2	43
3	53
ГЛАВА 2	64
1	64
2	72
3	79
ГЛАВА 3	86
1	86
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Сергей Самаров

Парни в бронежилетах

ПРОЛОГ

1

В этом кабинете на одном из верхних этажей большого здания ООН в Нью-Йорке редко бывают люди. Кабинет постоянно подключен к сложнейшей системе сигнализации и обеспечения безопасности. Специалисты говорят, что здесь невозможно поставить какую-либо подслушивающую аппаратуру. Внутри экранированных стен не работают ни компьютеры, ни телефоны сотовой связи. Единственный телефонный аппарат, связывающий кабинет с внешним миром, соединен прямым экранированным кабелем с приемной Генерального секретаря.

Посреди кабинета стоит круглый стол. Вокруг стола шесть кресел. Одно – для самого Генерального секретаря, пять – для постоянных членов Совета Безопасности.

– Нам не надо объяснять, господин Генеральный секретарь, сложившееся положение... Все мы одинаково осознаем его и понимаем свою ответственность перед будущими по-

колениями... – говорит один из постоянных членов Совета Безопасности.

– Терроризм гораздо страшнее чумы и, похоже, обладает всеми признаками эпидемии... – вторит ему другой. – И потому нам необходимо принимать кардинальные меры для пресечения этого зла... – Какие дополнительные меры мы в состоянии принять?... – третий постоянный член Совета настроен скептически. – В то время, когда мы пытаемся что-то предпринять, большинство развитых государств заняты тем, чтобы помешать нам. Гуманисты всех мастей постоянно поднимают шум о нарушении прав человека при проведении каждой антитеррористической операции... И это связывает всем руки.

Четвертый постоянный член Совета недобро ухмыляется: – Это они сгоряча и по инерции... Старое мышление... Не могут перестроиться... Причем их протесты распространяются до тех пор, пока терроризм не коснется конкретно их стран. После этого они становятся сговорчивыми... Если немного подождать, не останется ни одного государства, которое пожелало бы быть в стороне.

– Тогда эпидемия может принять необратимый процесс... – говорит Генеральный секретарь. – Мы не имеем возможности ждать. Потеря времени – преступна.

– А кардинальные меры, – возражает пятый постоянный член Совета, – сами по себе преступны. Борьба с терроризмом методами террористов – это как раз и означает, что

эпидемия уже поглотила нас всех!

– И тем не менее бороться мы обязаны... – говорит первый постоянный член Совета. – Меры, предпринимаемые отдельными государствами, пока дают мало результата. Не так много толку, как ожидалось, от Интерпола... Поэтому я полностью поддерживаю идею создания своего силового блока, подчиненного только Совету Безопасности и наделенного правом на уничтожение заразы в корне...

Пятый член перебирает лежащие перед ним бумаги. Он не ищет в них что-то конкретное. Он так преодолевает собственные принципы, потому что они вступают в противоречие с инструкциями, данными ему руководством представляемого им государства. Он обязан подписать документы, хотя не желает этого делать. И потому выставляет очередное слабое возражение:

– Таким образом, мы нарушаем все принципы гуманистического общества, которое стараемся построить. Более того, мы не спрашиваем согласия конкретных стран на действия на их территории и нарушение их законов. Это чревато последствиями. Создав прецедент, мы даем возможность нашим последователям сделать следующий шаг, а он может оказаться еще более неправовым...

– Мы уважаем мнение нашего коллеги, – говорит Генеральный секретарь, уже зная, что документы подпишут все, – тем не менее я не вижу других способов решения проблемы... Я предлагаю подписать документы. После ратифика-

ции главами государств и правительств они смогут принять силу состоявшегося акта.

– Почти террористического, – нервно говорит пятый постоянный член, пододвигает бумаги к себе и подписывает.

Экземпляры документов передвигаются по кругу.

– Что теперь?

– Теперь... – Генеральный секретарь оглядывает всех поочередно. – Теперь наступает время действовать, не дожидаясь ратификации. Нас очень торопит время. Каждый потерянный час, даже каждая минута могут стоить жизни сотням людей. Я уже начал прорабатывать организационные вопросы. Финансирование антитеррористической группы «Пирамида» пока осуществляется из фондов Совета Безопасности. На первых порах затраты невелики. Правительства США и Великобритании на время организационного периода берут на себя большую часть финансовых расходов. И помогают нам в материальном обеспечении. Сейчас я хочу представить вам человека, который конкретно займется организацией и возглавит ее... Ваша задача утвердить его в должности и познакомиться с тремя его помощниками... Все они люди, имеющие опыт работы в силовых структурах различных государств. Думаю, не стоит заострять внимание на том, что все они – мусульмане, поскольку в настоящий момент именно из мусульманского мира идет самая главная угроза терроризма. У каждого из этих людей есть свои кандидатуры для оперативного состава. Это будет костяк. Остальное будет нараба-

ываться в рабочем порядке...

– Приглашайте... – за всех соглашается первый член Совета.

2

Зимний ночной ветер все-таки лучше дневного. Ночной с суши идет в сторону моря и не всегда бывает постоянным, а дневной, тягучий и безостановочный, безрадостный в эту пору, несет с моря соленую сырость... С возрастом кости от него начинают болеть... Впрочем, в конце декабря и с суши идет такая же сырость. От этого уже никуда не денешься. Климат... Летом жарко, зимой промозгло... А особенно такой холодной зимой, как нынешняя... Давно уже такой зимы не выпадало. И что только говорят болтливые языки о всеобщем потеплении... Но Роже даже к такой погоде привык и к другому не стремится, потому что жаркий ветер на него действует хуже – испытал в Алжире, знает... К жаркому ветру его организм приспособлен хуже. А что такое сырой северный... Подумаешь... Он вырос в этих краях, жизнь прожил здесь же и не слишком страдает от непогоды. Более того, местная ему даже милее любой другой...

Он белокурый и рослый, до старости крепкий мужчина, хотя и носит французскую фамилию, все же гордится тем, что его предки-викинги пришли сюда под предводительством конунга Роллона, высадились со своих драккаров¹, прогнали многочисленных местных жителей – торова-тых фризов – и заявили, что будут жить здесь. И даже по-

¹ Драккар – парусно-гребное судно викингов.

томок самого Карла Великого Карл Простоватый, французский король, не решился с ними воевать, прислал послов с предложением признать его власть и править захваченной землей от его имени. Более того, отдал за Роллона, в христианстве Роберта, свою дочь и дал зятю титул герцога². Так родилось Нормандское герцогство, которое потом и Англию покорило, сделав ее королей на многие годы французскими вассалами. Но память о далекой северной земле предков более давних всегда жива в нормандцах. Здесь, в Онфлере, таком небольшом в сравнении с соседним Гавром, стоит самая старая в Европе деревянная церковь, построенная на манер скандинавских церквей. Летом тысячи туристов съезжаются сюда посмотреть на церковь, на соляные склады седьмого века, оставшиеся еще от фризов. Да и просто отдохнуть в умеренном мягком климате.

Роже сохранил не только все физические данные, оставленные могучими викингами потомкам, но даже их характерную суровую воинственность. Именно потому после войны в Алжире, награжденный двумя медалями и орденом, он и пошел служить в охрану порта Онфлер, где почти уже дослужился до пенсии. И бывало, порядком доставалось от его тяжелых кулаков ворами и грабителям, падким на добро, проходящее в порт. Хотя порт-то большей частью рыбацкий, но зимой сюда часто приходят суда, которые не принимают в перегруженном Гавре. Для этого выстроена специальная ого-

² Исторические события 911 года.

роженная площадка, уставленная морскими контейнерами. Ее охрана – обязанность Роже. Теперь служить меньше месяца осталось, а потом Роже пойдет на покой, будет внуку старые легенды рассказывать, как ему самому рассказывал его дедушка. Легенды, конечно же, о норманнах-викингах, чтобы внук знал и гордился...

Сегодня снег жесткий, секущий лицо, хотя хлопья и крупные, мокрые. Морщиться заставляет. Роже неторопливой походкой идет среди ряда контейнеров, помахивая большим фонарем. Он любит порядок, педантичность и потому осматривает каждый боковой проход. Чуть в стороне идет его напарник – заика Лефлер. С Лефлером в паре работать хорошо, говорит не много, но много делает. Ответственный, хотя и молодой. Доходя до боковых проходов, Роже видит, как в соседнем ряду мелькает фонарь Лефлера, а Лефлер видит его фонарь. Так они всегда ходят, сигнализируя друг другу, что все в порядке.

Ряд заканчивается. Теперь поворот направо. Роже надо пройти через ряд, чтобы занять следующий свой, а Лефлер пройдет по промежуточному. Роже останавливается, дожидаясь напарника, и отворачивает лицо от бьющего по глазам снега. Думает о рождественском подарке, который присмотрел для внука в сувенирном магазине – модель настоящего драккара с полосатыми парусами. Эх, впору себе такой же драккар купить... Тоже была бы радость...

Лефлера все нет. Что он так долго?..

Роже оборачивается и поднимает фонарь. Сигналит им и не видит ответного сигнала. Значит, что-то там, в том ряду, не в порядке... Может, контейнер вскрыт?.. Роже морщится от снега и шагает ветру навстречу. До следующего ряда надо пройти всего два судовых контейнера, стоящих бездверными торцами вплотную друг к другу, – двенадцать метров, двадцать шагов... И с каждым шагом Роже чувствует приближение беспокойства. Хотя Лефлер и заика, но крикнуть он может... Почему не крикнул?

Роже на ходу отстегивает клапан кобуры. Охране полагаются оружие, пусть и не совсем серьезное – стандартный полицейский револьвер «манурин»³, но стреляющий резиновыми, а не боевыми пулями. В голову попадешь – убить можно, а в корпус – ребра переломает. Но Роже пока не кладет руку на рукоятку. Встречи с грабителями портовых контейнеров – не редкость в жизни охранников. Кто такие эти вооруженные... С ними, как правило, можно кулаками обойтись. За всю службу Роже только дважды оружие доставал, но ни разу не доводилось стрелять. Не любитель выстрелов и Лефлер... У заики кулаки еще потяжелее, чем у напарника.

Роже поворачивает за угол крайнего контейнера и останавливается. Ему даже фонарь включать не нужно. Он видит заика лежащим навзничь рядом с распахнутой контейнерной створкой второго с краю контейнера. Так и не вытащив ре-

³ Французский полицейский револьвер «манурин» со сменным барабаном, калибр 9 мм, выпускается с 1980 года.

вольвера, Роже шагает к Лефлеру, склоняется над ним, став на одно колено, и только тут понимает, какую ошибку он допустил, не направив луч фонаря сначала за створку. Створка контейнерной двери распаивается сильнее, оттуда выходит человек с мешком на плечах, а следом за ним второй, без мешка. Роже пытается встать, одновременно хватая первого вора за штанину, но тут же получает сильнейший удар тяжелым башмаком в лицо. Удар наносится в то время, когда Роже находится в самом неустойчивом положении, и он отлетает через проход, ударяясь головой о соседний контейнер. Но опытный охранник и армейский ветеран не теряет присутствия духа. Видит, что противник приближается к нему, а он не успеет достать револьвер до того, как тот нанесет новый удар. И потому он блокирует ногу руками, чтобы не досталось голове, и умышленно отлетает подальше, отталкиваясь ногами.

Вор делает в сторону Роже два неторопливых шага.

– Тебе что, старик, жить надоело? – спрашивает голос с легким непонятым акцентом. – Лежи уж и не дрыгайся... Целее будешь...

Роже видит говорящего. Здесь, за контейнером, ветер не бьет в лицо, и смотреть можно не морщась. И не такая уж темнота кругом, чтобы ничего не разобрать. Противник среднего роста, не слишком крупной комплекции, хотя видно, что гибкий. Лицо обмотано черным платком. Не закрыто маской, как обычно делают сейчас те, кто не желает себя

показывать, а именно платком.

Роже воевал в Алжире. Он знает привычку арабов обматывать платком лицо. И потому сразу думает, что перед ним араб. И акцент... Не алжирский, но арабов много, они бывают разные, они даже друг друга не всегда сразу понимают, и акцент у всех разный...

– Вот и правильно... – чуть насмешливо говорит грабитель, рассматривая распластанную по мокрому асфальту фигуру. – Отдыхай, старик...

Вор медленно поворачивается, чтобы отойти, и только в последний момент видит, что на него смотрит ствол револьвера, и застывает. Несколькими секундами раньше Роже успел достать оружие. Он уже готовится встать, но его заставляет задержаться взгляд вора. Лицо скрыто платком, и в полумраке трудно разобрать, что выражают глаза, но Роже почему-то кажется, что человек насмехается. Не испугался оружия, в себе уверен и именно насмехается... Так и не встав, Роже отрывает от асфальта локоть и поднимает ствол выше с откровенным намерением, но не успевает выстрелить. Кажется бы, что сложного в том, чтобы согнуть с некоторым усилием указательный палец. Но Роже отчетливо видит, как гораздо быстрее этого его простого движения выпрямляется рука человека с лицом, обмотанным платком, и раздаётся негромкий звук, словно кто-то без силы в ладошки хлопнул. И только в последний момент, перед тем как потерять сознание, Роже понимает, что у вора в руке пистолет с глу-

шителем. И даже успевает сообразить, что такие пистолеты не носят простые воры...

– Я же говорил, старик, не суетись... Мне жаль...
Но слов Роже уже не слышит...

* * *

Раненых охранников находят только утром, когда приходит смена. Срочно вызывают врачей, сообщают в полицию. Полицейский участок недалеко, и полиция появляется раньше врачей. Хотя, может быть, полиция поспешила потому, что среди пострадавших назван Лефлер, а инспектор полиции, как весь маленький город знает, второй из братьев-близнецов Лефлеров, не заика. Заика тоже мечтал стать полицейским, но его не допустила до такой работы медицинская комиссия. Именно из-за заикания.

Брата-охранника увозят. Он так и не приходит в сознание, чтобы сказать хоть слово брату-инспектору. У него пуля застряла в голове. Врач только головой качает:

– Мы сейчас вертолет закажем... В Гавре делают нейрохирургические операции... Может, дотянет...

– А может и не дотянуть? – В глазах брата-инспектора нет никакого чувства, только лед, но лед свирепый, жгущий своим холодным, неподвижным дыханием.

– Пятьдесят на пятьдесят... Слишком долго пролежал... Хорошо хоть лежал на холоде... Это может его спасти...

Роже уже в сознании. У него дырка в легких. Сквозное ранение. Дышать трудно, не хватает воздуха, как ни перевозмогай боль, как ни старайся раздуть некогда мощные легкие сильнее. При разговоре даже шепотом на губах появляется розоватая пузырчатая пена. И стекает из уголка рта на подбородок.

– Как ты, «старый викинг»?.. – склоняется над носилками инспектор. «Старым викингом» Роже зовут только хорошие друзья. Инспектор никогда в их число не входил, но, наверное, наслышан от брата.

– Арабы... – тихо говорит Роже.

– Что было в контейнере?

– Удобрения... Сельскохозяйственные... В мешках...

– Зачем арабам удобрения?.. – инспектор сомневается. –

Они в наших краях огородов не держат...

Он так привык, что воры в порту бывают только местными, что иного предположить не может.

Роже поднимает руку. Видно, что ему больно, но он себя пересиливает. Изображает рукой круговые вращения вокруг лица.

– Голова замотана... Платок... Так арабы носят... И...

Тяжело переводит дыхание. Не вздыхает, а именно переводит дыхание. Медленно, с остановками из-за боли в груди. С закрыванием страдающих глаз.

– Что еще?

– Акцент... И...

Опять переводит дыхание. Несколько судорожных попыток вздохнуть глубже. Теперь глаза закрываются на целую минуту. И открываются только тогда, когда санитары поднимают носилки, чтобы закатить их в машину, и даже наполовину закатывают. Жест рукой, останавливающий санитаров.

– Что? – Лефлер-инспектор ставит в салон медицинского фургона ногу, чтобы приблизиться к лицу Роже.

Голос охранника слабый, едва слышимый:

– Это... боец... Воин... Спецподготовка... Бьет правильно... Пистолет с глушителем...

Инспектор вытаскивает из кармана целлофановый пакет с двумя гильзами. Показывает Роже.

– Гильзы от «глока»... «Глок» не бывает с глушителем...

– Нет... Не «глок»... «Глок» больше... Этот с глушителем...

– Сколько их было?

– Я видел... двоих... Был третий... Шаги... слышал...

– Хватит... – врач убирает трубку сотового телефона. – Операционная готова к приему. Завтра допросите, как отоспится...

Санитары берутся за задний край носилок, собираясь вкатить их в фургон полностью. Роже делает новый знак рукой, останавливая движение. Инспектор опять склоняется над ним.

– Поймай их...

Лефлер-инспектор молчит. Носилки закатывают. Закрывают дверцы без стука, но плотно. Машина включает сиг-

нальное устройство и устремляется к распахнутым воротам, сразу набирая скорость. Сбоку подходит жандарм:

– Господин инспектор... Начальник складов подобрал документы... Просит посмотреть...

Они идут в контору, расположенную в отдельном квадратном одноэтажном здании. Второй жандарм стоит у двери, распахнув ее перед инспектором.

Начальник складов, пожилой, страдающий одышкой бретонец, раскрывает на столе папку, сверяя данные, занесенные на бумагу, с данными в компьютере. Его помощник щелкает компьютерной мышью, передвигая по экрану раскрытый материал.

– Не понимаю, за что людей убивать... Обыкновенные сельскохозяйственные удобрения. Только вчера доставили по железной дороге. Перегрузка для отправки в Швецию. Транзит... Таможня проверяла... И всего-то пятьсот килограммов...

– Что за удобрения? – инспектор открывает записную книжку.

– Нитрат аммония какой-то...

Лефлер записывает, потом вытаскивает трубку мобильного и набирает номер.

– Жорж... Похищено пятьсот килограммов нитрата аммония... Сельхозудобрения... Объяви по дорогам... Всем постав... Что? Да... Да... Посмотри... Что? Вот это да!.. Хорошее удобрение, ничего не скажешь... Тогда звони в Гавр.

Пусть комиссара присылают... Объясни, что нам одним такое дело может оказаться не по должностному окладу. Тем более что я с завтрашнего дня в отпуске по семейным обстоятельствам... А потом рождественские праздники... Такой отпуск!.. Значит, надо!.. Не твое дело... Меня долго не будет... Хорошо... Обязательно позвони...

Он складывает трубку и смотрит в упор на начальника складов. Тот под этим взглядом теряется так, словно это он лично обворовал свои склады и стрелял в своих же охранников. Инспектор знает, что бывают такие люди, которые под любым пристальным взглядом чувствуют себя виноватыми. Даже на улице – на них посмотрит прохожий, с кем-то спутав, а они начинают приводить одежду в порядок.

– Что? – не понимает начальник. – Что-то не так?

И в самом деле начинает отряхивать свой мундир портового служащего.

Инспектор усмехается, переводит взгляд на жандарма, потом опять на начальника складов. Но говорит, похоже, не им, а исключительно себе. И говорит неразборчиво, последние фразы вообще себе под увесистый нос. Но голос по-прежнему холодный. Без интонаций, хотя слова предполагают интонации.

– Нет... Ничего... Удобрение как удобрение... Для любого огородника сгодятся... Только если его как следует переработать, то... В Америке из такого удобрения бомбу сделали... Сто семьдесят человек при взрыве положили... У нас в Тулу-

же в две тысячи первом году взрыв этой штуки целый завод уничтожил. Тридцать убитых и две с половиной тысячи раненых... А «старый викинг»... Удобрения... Арабы... Арабы – это интересно... Но, может быть, баски? Мне докладывали, что трое басков в гостинице живут... Странно себя ведут, из номера почти не выходят... Им что, своей Испании мало?..

3

Майор Сохно не пользуется автоматом, предпочитая иметь в каждой руке по пистолету Стечкина. Но это в бою. А в обыденной обстановке он один из пистолетов носит по-ковбойски на бедре, ближе к колену, чтобы иметь возможность выхватить его с наименьшей амплитудой движения руки, второй, как образцово-показательный самурай свою любимую катану⁴, за плечом. Спереди верхняя кобура крепится ремнем, со спины резиной. Если требуется быстро взять оружие в руки, Сохно просто тянет за ремень левой рукой, кобура перетаскивается на плечо и переворачивается. Стоит только отстегнуть клапан, и «АПС» падает рукояткой в ладонь. Это, конечно, не уставное ношение оружия, но кто в рейде обращает внимание на уставы... Было бы удобно для моментального применения...

– Когда «зеленка» зеленеет, всякие черви выползают из своих нор, – говорит Сохно, ковыряя сломанной веточкой траву под ногами и цепляя ею худосочного по весне дождевого червя.

– Если бы только черви, это не было бы бедой, – возражает полковник Согрин. – В нынешней ситуации выползают змеи с зелеными повязками на лбу и начинают свою охоту на людей...

⁴ Катана – двуручный меч самурая.

– Значит, мы зовемся змееловами, – спокойно вступает в разговор майор Афанасьев, которого друзья обычно называют Кордебалетом.

Маленькая ОМОГ⁵ спецназа ГРУ, состоящая всего-то из трех офицеров, расположилась в полосе леса неподалеку от небольшого чеченского села. Дожидаются своего часа, чтобы приступить к действию. В селе, как им известно, базируется небольшая банда боевиков, состоящая в основном из наемников. Всю банду ликвидировать будут днем позже более основательными силами, а ОМОГ Согрина ждет только одного человека, который должен проследовать в известном им направлении.

– Командир, а ты уверен, что наш «змей» непременно здесь проползет? – сомневается Сохно.

– А больше ему и ползать негде... – Согрин в который раз поглядывает на часы. – Если идти в обход, он не успевает... Тогда ему надо в ущелье выходить, делать круг, чтобы добраться до перевала, и двигаться с противоположной стороны... А ему завтра утром надо в условленном месте быть. Эх, знать бы, где это условленное место...

– Я бы так и пошел, – говорит Сохно. – Люблю ходить там, где меня не ждут...

– А ты ему уже сообщил, что мы его дождемся? – наивно спрашивает Кордебалет.

Сохно чувствует тон дружеской насмешки и не отвечает.

⁵ Отдельная мобильная офицерская группа.

– Второй путь перекрывает группа Разина, – объясняет Согрин. – У него людей больше, хотя там и троп больше. Но – не пропустит... А основное направление все же считается наше. Самое вероятное...

– У Разина снайперы хорошие, – соглашается Сохно. – Таких еще поискать надо... Эти-то уж точно не пропустят...

– А я, скажу честно, никогда не думал, что стану агентом ЦРУ... – усмехается Кордебалет, переводя разговор на другую тему.

– Не ЦРУ, а ФБР, – поправляет полковник. – Большая разница... Данные на этого «змея» пришли из ФБР. Они его вычислили по телефонному звонку. Он кому-то в Америке названивает... Как только восстановили в районе сотовую связь, боевики сразу названивать во все трущобы мира стали. Все отребье сюда собрали... На заработки...

– Хорошо живут в трущобах, если пользуются сотовой связью! – восклицает Кордебалет.

– Не везде же цены такие, как у нас, – смеется Согрин. – Недавно читал, что в Китае в переводе на наши деньги минута разговора стоит шестнадцать копеек. Когда-нибудь и у нас так будет, конкуренция заставит... Главное, чтобы сама связь была и восстанавливали вовремя...

– Это не здесь восстановили... Это в Дагестане установили, – поправляет Сохно. – Дагестан-то рядом. Охватывает связью, если за гору прятаться не будешь... Вот отсюда никак не возьмет. Я пробовал. А с противоположного склона –

хоть целый день болтай...

– Пора выступать, – поднимается полковник, снова взглянув на часы. – Скоро будет темнеть... Бинокли в порядке?

– У меня заряд слабый, – сетует Сохно. – Но я без ПНВ⁶ лучше вижу... – Инструкции знаете! Брать желательно живьем. Напоминаю, этот китаец по-русски разговаривает плохо. Поэтому команды отдавать четко, без обычных твоих, Толя, шуточек... – предупреждающий взгляд в сторону Сохно. – При задержании особо опасен. Способен убивать голыми руками.

– Мы тоже, – отвечает Кордебалет.

– Потому и напоминаю, что брать лучше живьем... Его сначала «прокачивать» у нас будут. Нет ли на нем чего. Потом, если здесь не найдут, отправят в Штаты... На этого китайца ФБР шесть трупов вешает. И участие в непосредственной подготовке нескольких террористических актов. А там еще и Китай на него права заявляет... Тоже есть что предъявить. Серьезный малый, хотя и ростом мал...

* * *

При свете дня лес смотрится совсем не так, как с наступлением темноты. Стоит солнцу скатиться за горы, он сразу становится вдвое более густым в сравнении с дневным и

⁶ ПНВ – прибор ночного видения, в бинокле работает от аккумуляторной батареи.

почти дремучим. Тропа, по которой можно пройти из села, всего одна и полого тянется на некрутом склоне горы. Но китаец-наемник, которого спецназовцы поджидают, намереваясь захватить, не обязательно пойдет тропой. Он может пойти верхним путем, где меньше деревьев и есть возможность раньше заметить засаду. Но там же и его самого из засады можно увидеть раньше. Поэтому верхний путь считается наименее предпочтительным. Тем не менее его прикрывает Кордебалет. Место в середине – на самой тропе – прикрывает полковник Согрин, устроившийся под нижними, стелющимися, словно подол платья цыганки, лапами ели. Майор Сохно выбрал место внизу, вдоль тонкого ручья, петляющего среди камней.

Обзор выходов из села доступен для разглядывания в бинокль с ПНВ только с верхней каменистой гряды, где устроился майор Афанасьев. Он держит с Согриным и Сохно постоянную связь через «подснежник» – мобильное переговорное устройство, состоящее из наушника, убираемого в ухо, маленького микрофона и собственно рации, помещаемой в нагрудный карман «разгрузки».

– Рапсодия, Бандит! Как слышите? Я Прыгун...

– Я Рапсодия, – отзывается полковник Согрин. – Слышимость в норме...

– Я Бандит, – глухо шепчет в микрофон майор Сохно. – Болтай дальше...

– Видел тень... Перемахнула через забор... На тропу не вы-

ходит...

– А если погулять пошел? По девкам...

– В той стороне только коз пасут. И то днем...

– Сюда он может выйти?

– Может. Если напрямую. Но там очень круто... Спуск в темноте не для всех...

– Он сам парень крутой... Ждем...

Около двадцати минут в эфире стоит тишина.

– Я Бандит, – раздается хриловатый голос Сохно. – Непонятные звуки по противоположному склону. Думаю, спускается.

– Я Рапсодия. Прыгун, прыгай ниже... Я на всякий случай держу тропу, ты соединишься с Бандитом.

* * *

Кордебалет на успел еще спуститься с верхней гряды, когда Сохно снова услышал звуки.

– Я Бандит. Он спускается, судя по всему, по веревке... Метров в пятидесяти левее меня... Готов к встрече. Рапсодия, тропу не оставляй... Вдруг это не он... Прыгун, заходи сзади. Вдруг он специалист по удиранию...

– Я Рапсодия. Действуй...

– Я Прыгун. Понял... Я миновал тропу... Уже почти над тобой...

– Левее... Левее...

Луна хорошая и ясная. Самому Сохно ее не видно из-за деревьев, но русло ручья и каменистое дно ущелья просматриваются отчетливо. Красивый пейзаж... Сохно продолжает наблюдение.

Кто-то спустился по склону. Майор убирает бинокль, чтобы тот не выдал его неизбежным своим зеленым ободком, и сам спускается ближе к ручью, останавливается перед поворотом, прикрытый большим, почти в человеческий рост округлым валуном. Ждет...

Человек входит в ручей. Осматривается, шевелит плечами, сбрасывая напряжение. Спуск с крутого склона на веревке – дело не слишком легкое, хотя это и не подъем. Руки, должно быть, устали. Перевешивает автомат из-за плеча на грудь, как обычно носят боевики, поправляет экипировку. Глубоко вздыхает, как перед стартом, и быстро устремляется вперед. Ему хорошо виден освещенный луной ручей, видны камни под ногами. Идет человек ходко, быстро переставляя короткие ноги. Сам он роста невеликого, но крепко сложен. Так, глядя под ноги, боевик доходит почти до поворота ручья.

Сохно выходит из-за камня слегка вразвалочку, вальяжной походкой.

– Эй, товарищ... – пауза дает возможность боевику понять, что обращаются именно к нему. – Не подскажите, где здесь туалет?..

Трудно сказать, понял китаец слова или не понял. Луно-

образное лицо спокойно. Но узкие глаза видят все – видят, что рука спецназовца лежит на рукоятке пистолета и сам он просто не успевает опустить предохранитель автомата.

– Твоя кто? – спрашивает боевик.

– Моя твоя искала... – вполне вживаясь в образность речи, отвечает Сохно.

Он понимает, что разговор этот нужен боевику, чтобы преодолеть растерянность, осмотреться и принять какое-то решение. Сохно разговор тоже нужен – Кордебалет вот-вот должен спуститься со своего склона и двинуться на сближение, чтобы перекрыть китайцу путь отхода.

– Твоя чего хочет?

– В туалета моя хочет... Не знаешь, где здесь, спрашиваю?... – майор откровенно дразнит противника.

– Моя не знает... – китаец шутить не намерен. Он не понимает, как в такой момент можно шутить.

– Тогда автомата снимай и осторожно клади на землю... – и переходит на львиный рык. – Осторожно, китайская твоя мама...

Сохно не убирает ото рта микрофон «подснежника». Согрин с Кордебалетом слышат его и уже идут. Спешат и не очень стараются передвигаться неслышно. Китаец слышит их приближение, оборачивается, осматривается, может, уже и фигуры под светом луны различает. И медленно снимает автомат, кладет его на землю. Потом чешет подбородок левой рукой, вслед за тем правой, и Сохно видит, как он сры-

вает зубами кольцо с гранаты, зажатой в кулаке. А гранату так и оставляет около подбородка. Когда он успел снять ее с пояса – непонятно. Может, она так в руке и была, и именно потому он не смог автоматом воспользоваться, да и снимал его неуклюже... А ствол пистолета майора уже смотрит прямо в грудь боевику, чтобы он не успел даже рукой шевельнуть, если пожелает гранату бросить.

Секунды тянутся медленно... Их считает китаец, считает и Сохно, и только в последний момент майор отпрыгивает за валун. И выскакивает из-за него уже после взрыва, чтобы увидеть растерзанное осколками, обезглавленное тело.

– Китаез, мать твою... – рычит Сохно, но он бессилён изменить ситуацию.

Подходит Согрин. Молчит. Чуть позже по ручью поднимается и Кордебалет. Тоже молчит.

– Не захотел, значит... – говорит, наконец, полковник. – Ладно... Кордебалет, разворачивай рацию. Сообщи, что путь свободен...

ГЛАВА 1

1

Генерал Астахов из штаба управления антитеррора «Альфа» звонит на мобильник Басаргину в тот момент, когда в офисе подсектора Интерпола по борьбе с терроризмом, согласно плану подготовки, начались групповые занятия. Александр делает кивок, который должен изобразить его попытку попросить извинения у преподавателя, и выходит из большой комнаты в коридор, чтобы не мешать другим. Срочных дел вроде бы не предвидится, и звонок генерала может носить совсем простой характер.

– Александр Игоревич, у меня к вам настоятельная просьба...

– Всегда рад помочь, Владимир Васильевич. Правда, у нас сейчас идут занятия по французскому... Стараемся повышать, как говорится, свой уровень, чтобы хотя бы со своим начальством без переводчика разговаривать... Но... Слушаю вас...

– Тем более я обращаюсь к стати... Если французский... и начальство... Подобное, как говорится, притягивает подобное... Вопрос такой. От вас, кстати, официально нам ничего не поступало, но... Данные из прессы... Мы тоже иногда га-

зеты почитываем и в Интернет заглядываем. Так вот... Еще в начале зимы, перед Рождеством, из контейнеров на складе морского порта в Онфлере – это в Нормандии – было похищено пятьсот килограммов нитрата аммония. Подозревали, что похищение совершено боевиками ЭТА⁷. Больше сообщений на эту тему не было. Нашли похищенное – не нашли... Мы не знаем...

– Нитрат аммония? Что это такое?

– Сельхозудобрение... Из которого довольно просто изготовить взрывчатку.

– У нас не было по этому вопросу данных... Но не все данные о происшествиях в мире к нам поступают. Есть много вариантов... мы получаем информацию только о том, что как-то касается России и ближнего зарубежья, в основном – стран бывшего СССР. Нам даже по странам бывшего соцлагеря не все шлют...

– Я понимаю. Если бы пришло к вам, вы поставили бы известность, естественно, нас. Но дело в том, что у нас сегодня утром произошел взрыв в дачном домике. Погибли два человека, которые, по нашим предположениям, занимались изготовлением взрывчатых веществ. Студенты... К тому же наркоманы... Знаний мало, осторожность потеряна... Вот и... Наши химики говорят, что там был именно нитрат аммония. И даже нашли упаковку с маркировкой. Но маркировка незнакомая, не российская, мы не можем ее классифициро-

⁷ Баскская террористическая организация, действующая в Испании.

вать. Вот я и хотел бы попросить вас сделать запрос в Лион относительно маркировки на той самой похищенной партии. И желательно бы иметь анализ химического состава для экспертизы.

– Какой, говорите, город?

– Онфлер. Небольшой курортный городок. Через мост от Гавра. Ваша жена должна знать...

– Почему она должна знать? Вы считаете ее энциклопедистом?

– Онфлер – это колыбель импрессионизма. Там целая куча художников выросла. В том числе и Клод Моне... И еще, кажется, Бодлер... Поэт... Помните такого?.. «Цветы зла» написал.

– Имя слышал, но не читал...

Генерал хмыкает:

– Я, кстати, тоже...

– Хорошо, товарищ генерал. Как срочно это надо?

– Чем быстрее, тем лучше...

– Я сейчас же запрос отправлю.

Басаргин складывает трубку и возвращается в кабинет. Опять извиняется кивком и садится за компьютер. Он старается не отвлекать общее внимание, быстро набирает и отправляет запрос. И только после этого устраивается в позе старательного ученика, чтобы внимательнее слушать преподавателя...

– Si vous avez fini la journée de travail, coupez les te'yle'й-

phones⁸... – говорит тот.

– On ne peut pas. Chez nous la journée de travail dure jour et nuit⁹, – отвечает за всех Тобако, который французским владеет и остается с группой просто за компанию.

* * *

Повторно генерал звонит через два часа.

– Александр Игоревич, вы не забыли о моей просьбе?

– Никак нет, товарищ генерал. Отправил запрос сразу же.

Ответа пока нет. Должно быть, это дело проходило не через нас, а через французскую полицию. Тогда запрос отправится дополнительно им, и пока они еще расшевелятся...

– Если замешана ЭТА, то Лион¹⁰ должны были информировать. Вообще такие дела должны, мне кажется, быть более доступными для информации.

– Может быть, раскрыли по горячим следам и ЭТА здесь ни при чем. Это возможный вариант. Вам ответ требуется срочно?

Генерал колеблется несколько секунд, соображая, что можно говорить открытым текстом и что вообще можно говорить интерполовцу, который пока не имеет к делу никакого отношения. Но Астахов знает уже давно: все внутренние

⁸ Если вы закончили рабочий день, то выключите телефоны...

⁹ Нельзя. У нас рабочий день длится круглые сутки.

¹⁰ Штаб-квартира Интерпола находится в Лионе.

дела часто бывают так тесно переплетены с международными, что сотрудничество между ведомствами становится просто необходимым.

– Да. У нас появились новые важные данные. И ответ мог бы что-то прояснить. В одном случае он отмел бы ненужные версии, во втором подтвердил бы конкретные... И, возможно, дал бы кое-что вам... Обратите внимание, как тонко я пробуждаю в вас эгоистические чувства...

– Я повторю запрос, товарищ генерал... И потороплю с ответом...

– Буду вам очень признателен. Занятия закончились?

– Только что. Я перезвоню вам, как только из Лиона что-то придет...

Басаргин вздыхает. Обычно бывает, что информация, если она действительно важная, приходит гораздо быстрее. Если задерживается, то, скорее всего, обрадовать генерала будет нечем.

– Есть для нас работа? – интересуется Ангел, кивая на трубку мобильного.

– Пока только предвидится, но нет гарантии, что и нам достанется. Астахов что-то темнит...

– Тогда я пошел устраиваться?

Ангел только что снял на длительный срок квартиру и занимается ремонтом. Строительным фирмам он не доверяет, и потому руки у него выглядят сейчас так же, как у настоящего строителя – даже краску с них отмыть полностью не

удаётся, и куча ссадин на пальцах. С пистолетом Ангел, как настоящий спецназовец, управляется гораздо лучше, чем с молотком.

– Трудись, – соглашается Александр.

Уже на пороге офиса Ангела останавливает звонок на его личный мобильник.

– Да... Слушаю, Ангелов, – отвечает он не слишком любезно и делает несколько шагов в обратную сторону – в коридоре трубка сильно экранирует, и слышимость хуже, чем в комнате.

– Алло! Папа! Это ты?

– Сергей? – Ангел откровенно удивляется и даже свободной рукой всплескивает, как птица крылом. – Рад, сынок, тебя слышать... Три года не объявлялся...

– Дела... Возможности не было...

– Как ты меня нашел?

– Позвонил матери... Она дала твой номер. Ты в Москве когда будешь?

– Я сейчас в Москве. Снял квартиру, ремонт делаю... Временно обустроиваюсь. Ты все там же?

– Нет, папа... – В простом русском слове сын делает французское ударение – на последнюю гласную. Это звучит манерно, хотя Ангел понимает, что такое привычка. – Уже полтора года...

– Вот те раз... А я тебе телеграмму ко дню рождения посылал...

– У меня там были неприятности. Пришлось уйти. Но об этом не будем...

– Понимаю... И где сейчас?

– В настоящее время... в Польше...

– Польша – это совсем рядом. Пару часов, и ты здесь...

Не спрашиваю, что ты там делаешь. Надо будет, сам расскажешь... В Москву не собираешься?

– Может быть... Потому и спрашивал... Как у тебя со здоровьем?

– Не старею...

– Финансовая помощь не нужна? У меня свое неплохое дело. Имею возможность помочь...

– Матери помоги.

– Я перевел ей пятьдесят тысяч евро.

– О! – удивляется Ангел. – Это сумма. Значит, неплохо живешь... Но мне не надо... Я свои скромные запросы обеспечить в состоянии сам. Тебе пригодится, надеюсь, больше...

– Хорошо, папа. Так давно не виделись, хотелось поговорить, а что сказать, не знаю...

– Звони чаще. Что-то надо будет в Москве, я помогу. Я здесь, похоже, надолго...

– Хорошо. До свидания.

– Алло! Сережа... Сережа... Номер свой оставь.

– Мне пока звонить не надо. Я на днях сам позвоню. Может быть, завтра... Пока, отец...

Ангел растерянно смотрит на мониторчик, определитель

номера не показывает, что с ним случается редко. Он убирает трубку и оглядывается. Все смотрят на него. Все знают, что сын Ангела служит во французском иностранном легионе в Джибути. Теперь понимают по разговору, что – служил...

– С Серегой нелады? – спрашивает Пулат.

– Кто его знает, что там с ним... Лады... Нелады... Ты же своим родителям не много о себе говорил. И он так же. Мужской принцип... Двадцать восемь лет... – неохотно отвечает Ангел. – Полтора года, как расстался с легионом. Какие-то неприятности... Сейчас в Польше. Свой бизнес. Как я понял, собирается в Москву... По телефону всего не скажешь. Позвонит еще...

Ангел кивает всем на прощание и, задумчивый, уходит. Даже более чем задумчивый. Почти мрачный... Собирается и Пулат. Засовывает в карман тетрадь с записями. Он французский учит со старанием. Словно надеется каждый день с французами общаться. Обычно Пулат, если нет какой-то необходимости, раньше всех уходит. Ему до Электростали долго добираться. Но в последние дни Ангел «маленького капитана» опережает. Ремонт – дело святое... Почти как пожар...

В это время подает звуковой сигнал компьютер. Доктор Смерть, сидящий в своем привычном, держащем его вес кресле, принимает сообщение, сразу расшифровывает и распечатывает.

– Саня... Тебе... Звони Астахову...

Басаргин читает сам и после этого набирает номер. Владимир Васильевич отвечает сразу.

– Товарищ генерал, пришло для вас известие... Доктор по факсу отправляет маркировку и анализ химического состава... – Александр передвигает по столу два листа Доктору. – Анализ получили от предприятия-изготовителя. Поэтому задержка. Диктовать это... Сами понимаете...

– Не надо по факсу... Я пришлю человека... А само сообщение? Если не секретно...

– Доктор уже отправил факс... Они у нас скоростные – и факс, и Доктор. А само сообщение... Я перескажу своими словами... Короче, версия о причастности ЭТА не подтвердилась. Версия была вызвана тем, что в то время в городе проживали в гостинице трое басков, вели себя странно, почти не покидали номера. Их, естественно, сразу арестовали... Быстро выяснили, что это художники, приехали на родину импрессионизма. Учитель с двумя учениками... Работали прямо в номере. Готовились к какой-то выставке... Расследование зашло в тупик. Груз пропал без следа... Был еще один подозреваемый... Городок маленький, курортная зона там считается функционирующей только в летний период, все на виду. Зимой приезжих проконтролировать легко. Русский... Шайтанов Сергей Алексеевич, гражданин Узбекистана. По картотеке Интерпола и по французской полицейской картотеке не проходит. На него обратили внимание только потому, что к нему в баре пристали шестеро местных парней,

он их за несколько секунд запросто превратил в уродов... Голыми руками... А один из раненых охранников дал показания, что руководил похитителями человек со спецподготовкой... Он это по ударам понял и по скорости стрельбы. Привязка, конечно, хилая, но... Однако ничего против Шайтанова накопать не смогли. Алиби у него нет, но и улики против него – тоже... Цель своего приезда в Онфлер Шайтанов обосновать не смог. Просто, дескать, путешествует в свое удовольствие... Паспорт у него настоящий, это проверяли... В последующем местный инспектор уголовной полиции, брат одного из охранников, который умер во время хирургической операции, вел во время отпуска частное расследование и сильно «достал» Шайтанова. Через день инспектор просто пропал без следа... Тогда же в порту выловили два трупа. Трупы опознали. Это арабы, дезертиры иностранного легиона. Шайтанова снова по какому-то поводу арестовали, но опять ничего не смогли предъявить... Никаких следов, никаких намеков... Только домыслы... Арестовывали лишь потому, что человек опасный... Опять освободили. После этого он из Франции уехал... Это все.

– Это очень много... Спасибо, Александр Игоревич... Минутку... Так... Так... Хорошо... – последние слова, очевидно, адресованы кому-то другому. – Александр Игоревич, факс пришел, та же самая маркировка. Следовательно, если сами найдете время, загляните ко мне завтра утром... Если не сможете, пришлите Тобако. Есть кое-что интересное, и вы вы-

нуждены будете включиться...

– Я понял, товарищ генерал. Кто-то из нас будет обязательно...

Басаргин кладет трубку.

– Кроме нашего родного Ангела, – говорит Пулат, слушающий разговор. – Есть у нас сегодня Ангелов Сергей Алексеевич, а теперь есть и Шайтанов Сергей Алексеевич... Полный набор...

– Ну и что? – спрашивает Доктор, не оборачиваясь. – Это запрещено международной конвенцией?

– Нет... Просто – Ангел и Черт... Они всегда рядом ходят, как день и ночь, как туча и солнце... Шайтан... Понимаете? Шайтан – черт в тюркских языках... Приятное совпадение...

– Совпадений в мире не бывает... Все имеет свое логическое обоснование, – возражает Дым Дымыч Сохатый. – Просто мы не умеем найти связь между фактами. Однако наше неумение вовсе не означает, что этой связи не существует...

– Обращайте внимание на черных кошек! – театрально восклицает Тобако. – Будьте бдительны!

– И это тоже... – Дым Дымыч кивает. – Не надо было Пушкину участвовать в восстании на Сенатской площади, и потому ему приходится трижды возвращаться... Сначала дорогу перебежала черная кошка, во второй раз – заяц, что еще хуже. А в третий раз ему навстречу попался поп. Это великого поэта совсем добило. И он заперся в своей усадьбе... В итоге не попал в ссылку и немало успел написать для разви-

тия потомков...

– Мне бы, что ли, поп навстречу попался... – говорит Виталий. – Домой ехать неохота.

Но, вздохнув, он уходит. Басаргин закрывает за ним дверь, возвращается в офис, и в это время, легок на помине, словно сам интересуется вопросами взаимодействия ангелов и чертей, звонит Ангелов:

– Командир... Просьба...

– Слушаю.

– Не можешь неофициально поставить мой телефон на контроль через спутник? Именно – неофициально... Чтобы сразу не возникло вопросов. А потом посмотрим...

– Ты представляешь, сколько это стоит... – начинает сразу говорить Басаргин, но тут до него доходят не слова, а тон, которым эти слова сказаны. – Что-то случилось?

– Я оплачу стоимость...

Басаргин вздыхает:

– Что произошло? Мне необходимо обоснование, если меня спросят из Лиона.

– Сын звонил мне из Польши. Определитель номера не показал. И я сейчас видел его на улице... Из машины... Мимо него проехал... Здесь... В Москве...

– Ну и что?.. Мало ли... Похож... Или... еще что-то... Даже если это он... У него свои дела.

– Во-первых, Сергей не простой человек, он сам – человек-оружие... Такие люди не бывают банковскими клерка-

ми, и они всегда во что-то ввязаны, даже помимо собственного желания. Как мы сами... На той или иной стороне... Я не знаю, на какой стороне он... Во-вторых... предчувствие... Знаешь, у нас с Пулатом бывают такие моменты... Эксперименты профессора Радяна... Из-за этого нас и отправили в свое время на инвалидность¹¹... Со стороны это выглядит странностью. Но мы многое умеем, что не умеете вы...

– Может быть, ты ошибаешься... Я не про умение твое говорю, а про сына.

– Я не ошибаюсь... Мне звонок не понравился. Сейчас, задним числом, анализируя разговор... Он знал, что я в Москве. И этим звонком определял место... Я же говорю... Это работает помимо меня... Я не ошибаюсь... Я никогда не ошибаюсь в таких вещах...

Басаргин неоднократно слышал о некоторых неординарных способностях Ангела и Пулата. Доктор Смерть, будучи в курсе и даже что-то странное сам наблюдая, поведал... И потому Александр долго не думает. Да и самому Ангелу он уже привык верить.

– Хорошо. Я попрошу сейчас Доктора... От Лиона как-нибудь отмажемся. Если что, ты заметил за собой слезку... К этому не придерутся...

– Я, кажется, в самом деле ее заметил... Потом позвоню... Можешь подключать прямо сейчас...

¹¹ Романы «На войне как на войне» и «Операция „Зомби“».

2

Ручей стекает по склону горы в овраг. В месте наиболее ровном он так растекается, что становится лужей, покрывающей траву. И не разберешь сразу, что это ручей, если подойдешь к нему сбоку. А сам овраг с двух сторон елями прикрыт так, что ни с одного вертолета не увидишь его. Правда, из-за этого в воздухе висит постоянная влага, по утрам похожая на туман, и деревья не с севера, как в обычном лесу, а со стороны ручья покрыты мхом, но это не страшно. Им здесь не жить, а ориентируются они не по тому, как мох расположен... В горных лесах он вообще может быть расположен как угодно – именно так учили когда-то Термидора опытные диверсанты.

Здесь, рядом с ручьем, чуть выше его по склону, они собрались для знакомства. Хотя слово «собрались» ничего не отражает. Они выполнили приказ и пришли сюда. Жесткий конкретный приказ! Эти люди умеют выполнять приказ и не задавать вопросов. Именно такие и нужны!

Термидор проходит вдоль строя.

Ему выделили эту группу в тридцать два человека, собранных из разных отрядов. Вернее, в группе должно быть тридцать пять человек. Трое не дошли. Что они покинули свои отряды, Термидор знает, ему уже доложили. Но на месте их не оказалось. Слишком много постов разбросали фе-

дералы. Где-то парни нарвались на пулю. Это неприятно, но такова действительность, которую он лично изменить не в силах. Следовательно, надо относиться к таким потерям как к неизбежности. Чеченцев в группе только пятеро. Но и это многовато... Хотя совсем без них обойтись невозможно. Остальные из разных стран. Два негра. Один колумбиец. Есть даже китаец. Остальные арабы. Но все они удовлетворяют двум главным качествам. Они не имеют жалости – первое... Они разговаривают по-русски – второе... И некоторые второстепенные качества, тоже весьма необходимые для нового дела. Они все приятно смотрятся, обладают некоторым обаянием и нравятся женщинам. Это им всем пригодится вскоре, когда необходимо будет обустроиться на новом месте. Самое надежное то, что не вызывает сомнений. А сомнений не вызывает то, что выглядит обычным. Обычно приезжие, оставаясь в Москве, обзаводятся женщинами, имеющими квартиры. Таких хватает на всех. В России дефицит мужчин...

Строй ровный. Чувствуется выучка, школа. Большинство эту школу прошли в разных странах.

Термидор считает, что с наемниками работать легче и безопаснее. У них нет привязки к местному населению, и они сделают то, что не решатся сделать местные. И они все профессионалы. К профессии привыкаешь. А если твоя профессия – убивать, то ты убиваешь без зазрения совести. Просто по привычке. Или по приказу. Это как раз то, что нуж-

но Термидору для исполнения плана, который придумал он сам и который он же должен воплотить... С пятью чеченцами в принципе уже все решено. Они будут в отряде пушечным мясом. Наживкой при рыбалке «на живца». Всегда возникают ситуации, при которых следует приносить жертву. Именно быть жертвами они и предназначены. А в остальном они мало нужны. Термидор с чеченцами сталкивался. Знает, как они сами всегда стремятся к власти. Такие ему не нужны. Ему нужны люди, выполняющие приказы. И у него есть такие.

– Ты... – Термидор не показывает, он по-настоящему бьет пальцем в грудь. И сам знает, как это бывает больно. Этим пальцем он, при желании, пробивает человеку горло. Лучше, конечно, бить двумя, как он обычно делает. Больше жесткости и сильнее напряжение. Но при необходимости можно и одним обойтись. Он пробовал. – Где воевал?..

Китаец, к которому обращен вопрос, улыбается, боли не показывает.

– Моя нигде не воевала... Моя – мирный китайца... Привез – продай... Вот все...

И малейшего проблеска хитрости нет в этих узких глазах. Только наивность и чистосердечие. И даже некоторое чувство вины. Но Термидор читал досье на Пына. И хорошо знает, что это не только опытнейший солдат. Это еще и великий специалист по допросам. Он умеет разговаривать даже мертвого. А потом убивает... Даже мертвого убьет еще раз... Пын

не знает, что такое жалость.

Термидор усмехается. Он китайца понимает, хотя у них совершенно разный менталитет. Среди арабов принято хвастать своими подвигами перед друзьями и перед врагами. Перед первыми – для прославления, перед вторыми – для устрашения. Термидор по национальности бербер, но считает себя арабом, потому что воспитывался в арабизированной семье и всю сознательную жизнь провел среди арабов. Их он понимает лучше всего. Китайцы другие. Они всегда прикидываются невинными и слабыми. И наносят удар тогда, когда от них этого не ожидаешь. Удар смертельный. Тактика поведения Пына тоже для определенного случая хороша. А для того, на что поведет их Термидор, она вообще необходима. Может быть, всем придется действовать так же. У каждого народа свои методы ведения войны. И уж совсем разные методы ведения тайной войны. Надо все это изучать и использовать. Для того опыт и существует, чтобы учиться на нем. Кто-то, спотыкаясь, сделал первый шаг – другие повторяют и не спотыкаются, потому что знают, где споткнулся первый.

Термидор доволен.

– Ты... – останавливается он против следующего, и его точно так же бьет в грудь пальцем. – Где воевал?

Несколько вопросов, несколько ответов, по-военному четких и ясных. Следующий...

– Ты... Где воевал?

Он специально разговаривает с ними по-русски. Он и им

приказывает разговаривать друг с другом по-русски. Надо привыкать... Это необходимо... Для дальнейшего...

* * *

Они были лучшими у себя в отрядах. Но их не пускали на опасные задания. Они не понимали, что происходит. Им казалось, что им не доверяют. Обижались. Но им платили так, словно они каждую минуту рисковали жизнью. Из неизвестных фондов платили... Другим платили меньше... Каждому командиру был дан категоричный приказ от людей, которых они не просто уважают, а обоснованно побаиваются, зная, что дальность расстояния и глухие чеченские ущелья не спасут никакого ослушника. За голову названного человека командиры в эту зиму отвечали своей головой. Но и они сами не знали, что происходит...

А дело было в том, что выбранных боевиков берегли специально для Термидора. Хотя сами боевики этого не знали тоже. Всю зиму берегли, потому что состав этого первого испытательного отряда был определен еще в начале осени, до того, как Термидор прибыл в Чечню. И не сразу отправили сюда, к новому командиру. Ждали, когда «зеленка» распустится и даст возможность ходить незаметно.

Нет у федералов сил, чтобы все «зеленки» прочищать...
Как нет у них сил, чтобы свои города контролировать...
Как нет сил, чтобы защитить их от паники... От страш-

ной паники, при которой с наступлением темноты пустеют городские улицы... Это только для начала...

А потом страх будет преследовать людей даже днем... Все нарастающий страх, переходящий в панику...

О терроризме сказано много. Террор и методы борьбы с ним изучают целые институты. Пусть изучают. Террор тоже учится. Он изучает методы борьбы с собой и вырабатывает новые. Террор и Термидор – звучит похоже... Может быть, потому его голова и сообразила, что одновременная эффективная гибель множества людей, пусть и смотрится красиво, нужного настроения в народе не создает. Подумаешь, самолеты атаковали небоскребы в Нью-Йорке... Наступила паника? Возможно, на пару дней, не больше... И что с того? Только озлобили и сплотили американцев. И заставили даже противников к ним примкнуть... А надо сделать так, чтобы люди друг друга боялись... Не мифических террористов, а именно друг друга... И американцы, и русские, и все остальные... Отряд Термидора первый... Так сказать, пробный... Попробует пройти, изучит места, где можно споткнуться... Скоро появятся и другие отряды... И везде останется только страх... Могучий и дрожащий... Активный и истеричный... Страх...

Именно это и собирается делать Термидор. Он будет производить страх... Он придумал и создает «фабрику страха». И эта фабрика будет работать, как любая другая, и будет давать продукцию...

На него надеются. Он уже зарекомендовал себя челове-

ком, способным на все. И ни в одной операции, проводимой под его руководством, не было сбоя. И каждая была по-своему красива, дерзка и выполнена так, что не осталось никакого следа... Именно умение убирать следы и определило выбор. Правда, иногда он даже умышленно след оставлял... Но направлял его туда, куда хотел... На того, на кого хотел... Это тоже на выбор повлияло. Его хитрость оценили. А еще больше оценили идею. Автор должен и воплотить ее... Так решили... И название понравилось всем – «фабрика страха»...

А главное – это его подготовка. Шесть лет во французском иностранном легионе в Джибути... Шесть лет... Прекрасная репутация, высокая оплата, через четыре года – французское гражданство... Что, казалось бы, еще человеку надо? А ему было надо. И он не просто ушел оттуда. Пусть это и называют – дезертировал... Он увел с собой еще шестерых самых лучших легионеров. Арабов...

Очень тихо они поработали в Европе... Так тихо, что никто не знал о существовании такой сильной боеспособной группы. Почти никто, кроме Тени... Но Тень – это другое... Это из мира нереального, который преследовал их... Такое со многими случается... И говорить об этом не стоит... Но другие, помимо призрака, не знали, потому что группа работала очень тихо. А если бы захотели, они могли бы и на шуметь. И никто не смог бы им помешать. Но они шума не хотели. И неплохо заработали. Тогда группа преследовала только экономические цели. И работа была в радость... Хотя опять же

портила настроение все та же неприятность – преследование Тени... Что это именно Тень, сомнений у Термидора не возникло. Когда это был человек, он был не страшен. И Термидор нанес ему последний удар. В сердце... После нескольких других ударов. Он тогда точку поставил. И не сомневается, что точка стала окончательной. Сам щупал пульс... Пульса не было... А потом отрубил этому человеку указательный палец... На память... Но откуда-то появилась Тень этого человека... У Тени тоже не было указательного пальца – в один из моментов это удалось рассмотреть. От Тени трудно прятаться, даже ночью. Тень сумела убить всех шестерых соратников Термидора, одного за другим. Шестерых отличных бойцов... И к нему подбиралась. Но он сумел уйти, сделав последнее дело и удачно сбыв товар. Тогда погибли два последних бывших легионера. Из тех, кто убивал человека, превратившегося в Тень. Но сам Термидор сумел уйти. И хитро избавился от Тени, хочется думать, навсегда... Термидор понял, что Тень ходит за своим указательным пальцем. Пытается вернуть. И он закопал во французской земле этот отрубленный палец, который раньше всюду возил с собой. В кожаном мешочке носил на шее...

А потом поехал туда... К людям, на которых работал, и высказал идею, давно созревшую в голове... И это хорошо, что шестерых Тень убила. С ними он не смог бы работать, потому что они были почти равными. Не совсем, но почти... Термидору же для исполнения задуманного не нужны

равные. Ему нужны исполнители.

И теперь ему выделили лучших среди многих способных...

* * *

– Задача простая... Сразу предупреждаю, проверочная... Вот карта... – Термидор наклоняется – он гибкий и пластичный, как кошка, – расстилает под ногами карту района. Даже ниже ног, потому что стоит на крутом склоне. Но он может позволить себе так наклониться, не приседая. – Желающих прошу полюбопытствовать...

Он отходит в сторону, пока боевики рассматривают карту. И наблюдает за группой, стоя между деревьями, словно оценивает поведение. Поведение всегда о многом говорит.

Смотрят... Несколько коротких слов для обмена мнениями... Один сразу тычет пальцем в правый угол. Правильно... Именно здесь они находятся...

– Посмотрели? Запомнили? Теперь – задача...

Он поднимает перед собой правую руку и рассматривает указательный палец. Хороший палец... Очень быстро умеет нажимать на спусковой крючок.

– Указательные пальцы есть у всех. Или почти у всех... Ваша задача: пойти в одно из недалеких шести сел района... И принести мне по указательному пальцу...

Они переглядываются. Не понимают смысла.

– Да-да... По указательному пальцу, чтобы люди никогда не смогли на вас показать... Мне безразлично, чей это будет палец – мужчины, женщины, ребенка, пусть даже грудного... Мне безразлично, какой национальности будет этот человек... Мне безразлично, отрубите вы палец живому человеку или мертвому... Но вы должны принести его мне. Идете все по отдельности. Без оружия. Даже без ножа... Как и чем вы будете действовать, мне безразлично... Смотрите только, осторожнее, друг другу пальцы не поотрубайте. Это не поощряется... Жду вас здесь же к утру. Кто сделает, идет со мной дальше. Кто не справится, может сразу отправляться к черту... Я все равно его найду и туда отправлю... Обещаю... Сложить оружие и... вперед!

* * *

...К утру возвращаются все. Все задание выполнили.

Термидор успокаивается. С этими людьми он может идти дальше... Именно идти... Пешком, через всю Чечню, через Дагестан, в Азербайджан, где их уже ждут. В принципе дорога не длинная. Всего в два дня. Именно так – в два дня, потому что Термидор любит мерить расстояния не километрами, а переходами. Идти и никому не показываться на глаза. Чтобы проехать в глубину России из другого места, по другим документам.

Заглянули в офис из квартиры близнецы – десятилетние сыновья Александра и Александры Басаргиных. Доктор грозит им пальцем, и мальчишки исчезают. Испытывают уважение перед ста с лишним килограммами Доктора и его ростом в два метра. Допускать пацанов сюда – рискованно. Слишком беспокойный народ, стремящийся хоть что-нибудь отвинтить или отломить. Или хотя бы унести какой-нибудь секретный документ...

Басаргин дает Доктору команду подключить на контроль спутника телефон Ангела.

– Ангела? – Доктор удивленно поднимает брови.

– Он только что сам попросил. За ним какой-то «хвост»... И что-то беспокоит после звонка сына, – поясняет Александр. – Нам сейчас, честно говоря, только этого не хватает. Астахов, видимо, работу подбрасывает, а тут... Хорошо бы без семейных дел обходиться...

Доктор пожимает плечами, подключается к спутнику, задает номер мобильного Ангела и сразу попадает на разговор. Ангел уже что-то сообщил Пулату, и тот обещает выехать с вокзала. Звонок застал «маленького капитана» при посадке в электричку. Ангел просит посмотреть за «хвостом» и называет номер машины.

– Мы тоже посмотрим... – Доктор записывает номер на

листе бумаги.

Сам разговор на компьютер не записывает. Вместо этого своими хакерскими методами без проблем входит в картотеку ГИБДД, хотя давно уже у подсектора Интерпола есть открытые каналы доступа, и отыскивает названный номер. Искомая машина принадлежит частному детективному агентству. Это уже становится интересным и сразустораживает.

Басаргин стоит у Доктора за плечом и наблюдает за работой. Подходят и Тобако с Сохатым.

– Та-ак-с... Детективное агентство? С какой, интересно, стати? – недоумевает Тобако.

– Должно быть, кто-то нанял, – делает Доктор ужасно смелое предположение.

– Кто? Не сын же...

– А почему не сын? Все может быть.

– Смысл?

– Первое, что в голову приходит... Сергей прибыл в Москву с каким-то делом... Ему нужны помощники... Обратиться к отцу – это естественно... Но он знает своего отца. И желает сначала выяснить, чем отец в настоящее время занимается. Все логично...

– Возможно...

– Хотя возможно, что и никто не нанял, а звонок сына – простое совпадение, – Доктор делает второе смелое предположение.

– Это как?

– У всех детективных агентств могут иметься собственные интересы... – за Доктора отвечает Сохатый. – Считаю возможным предположить даже такой глупый вариант, что они стажируются на первой попавшейся машине, и по недоразумению им подвернулся именно Ангел. Тогда стажерам через несколько минут основательно достанется.

Басаргин тоже вовремя понимает, что детективы подвергают большому риску свою жизнь, и набирает номер мобильного Пулата.

– Виталий... Ангел просил подсоединить его телефон к спутнику. Мы слышали ваш разговор. Машина, что его «ведет», принадлежит детективному агентству. Не наломайте дров...

– Понял... Я буду аккуратен.

– Держите нас в курсе дел. Я пока наведу справки о самом агентстве... Что там за ребята и чем они дышат? Если будет что интересное – сообщу...

* * *

Пулат всего однажды был в квартире, что снял Ангел, но дом находит без труда, даже не поплутав среди одинаковых бетонных коробок нового района. Сказывается привычка ориентироваться автоматически в незнакомом квартале, как и в незнакомом лесу. Это нарабатывается с практикой и становится естественным качеством характера.

Но в подъезд зайти не спешит. Походка у Виталия неторопливая, вид беспечный, а сам он улыбчив и благодушно настроен ко всем прохожим. Особенно к молодым женщинам, которых провожает мечтательным взглядом... И так, не обращая внимания на светло-серый «Мицубиси Лансер», скромно остановившийся через два подъезда от нужного, Виталий уже видит, что частных «шнырей» двое, один с фотокамерой. Сама машина оборудована антенной, явно предназначенной не только для автомагнитолы.

Визуальный осмотр не вызывает у Пулата чувства опасности. Приблизиться к «Гранд Чероки» Ангелова сыщики желания не изъявляют, но «маленький капитан» на всякий случай готовит пистолет к работе так же, как человек, работающий авторучкой, снимает с нее колпачок – отстегивает клапан на кобуре и после этого звонит своему другу с предложением прогуляться в магазин за хлебом. Магазин в соседнем доме. А сам Виталий садится на скамеечку, чтобы подышать свежим, чуть жарковатым воздухом.

Ангел появляется через три минуты. Слегка рассеян, задумчив. Идет в магазин мимо «Мицубиси» и саму машину даже не видит – мало ли какая может во дворе стоять... Дом-то огромный... Рука Пулата между тем ложится на рукоятку пистолета. Он при этом не смотрит прямо, но все видит. Однако в машине не достают оружия. Только слегка приподнимается фотокамера в руках у пассажира справа. Это пусть... Это не страшно... Хотя тоже не очень приятно, если учесть

работу, которой Ангел занимается.

Когда товарищ скрывается за углом, Виталий вытаскивает трубку и набирает номер его мобильного.

– Они тебя желают увековечить... Активная съемка...

– Мне уже звонил Басаргин. Что будем делать?

– Что предлагаешь?

– Поговорить... И изъять снимки... Это обязательно...

– Работаем. Движение навстречу, одновременно. На заднее сиденье...

– Годится.

– Не забудь хлеба купить. А то тебя могут не понять...

Пока Ангел покупает хлеб, Пулат меняет позицию. Опять неторопливо прогуливается, устав сидеть. Просто так сидеть любому может надоест. С другого конца двора он замечает, как направляется к своему подъезду Ангел. И выдвигается ему навстречу, чуть добавляя скорость движения, чтобы оказаться около «Мицубиси» одновременно. Они обходят машину с разных сторон. И в один момент оказываются у задних дверей. Только одно короткое движение, дверцы распахнуты, а два отставных капитана уже сидят позади слегка удивленных «шнырей».

– Здравствуйте, уважаемые, – традиционно вежливо обращается к ним Виталий. – Я по доброте душевной не советовал бы вам суетиться, потому что два ствола упираются в сиденье... Уверяю вас, сиденье не может служить защитой от пули...

– Вы что, сдурели? – спрашивает старший, тот, что за рулем.

– Нет, уважаемый, это вы сдурели... Боюсь, завтра же вас ожидает неприятная процедура по ликвидации лицензии на частную сыскную деятельность. Но если мы мирно договоримся, возможно, вам удастся избежать безработицы. А потому я предлагаю вам для начала доверить нам предмет, который держит в руках этот молодой человек...

Сопровождая свои слова действием, Пулат протягивает руку и просто вырывает у сопротивляющегося «шныря» фотокамеру. Для убедительности, явно намекая на некорректность сопротивления, Виталий еще постукивает стволом пистолета по затылку, словно в дверь квартиры стучит.

Камера у него в руках.

– Цифровая... – констатирует он. – Пленку я мог бы просто засветить, а с этим сам разбирайся...

И протягивает камеру Ангелу. Тот осматривает ее, быстро находит карту памяти, извлекает и прячет в карман.

– Э-э... – возмущается «шнырь», вполоборота посматривая за плечо, – она не копейки стоит...

– Производственные издержки, – спокойно отвечает Ангел. – Лицензия стоит дороже...

– Что вы нам можете предъявить? – спрашивает старший, уже уяснив ситуацию. Если эти парни так быстро узнали, что работают против детективного агентства, то они люди серьезные и наверняка не с улицы. Это неприятно, но лю-

бых неприятностей можно избежать, если вести себя соответствующим образом.

– Самое меньшее вмешательство в частную жизнь, – начинает Ангел спокойным разговорным тоном, а заканчивает с угрозой в голосе: – Если не договоримся, то и государственную измену, и шпионаж в пользу другого государства, может быть, и терроризм...

Во двор въезжает знакомый «БМВ». Тобако останавливается рядом, открывает дверцу и демонстрирует желание сесть рядом с «маленьким капитаном». Пулат откровенно рад, что приехал не Доктор, которому одному из-за его габаритов необходимо все заднее сиденье, и потому подвигается с удовольствием. «Шныри» на нового пассажира реагируют спокойно.

– С чего бы вдруг такой набор?.. – спрашивает старший, не обращая внимания на появление нового действующего лица, словно все это вполне вписывается в его повседневную работу.

– С того, что вы, ребята, суетесь не туда, куда нужно, – отвечает Тобако, словно слышал предыдущий разговор. – Я могу прямо сейчас упрятать вас на тридцать суток, и никто не будет знать, где вы находитесь...

Одновременный облегченный вздох двух сыщиков говорит о том, что они наконец-то догадались, что попали не в «лапки» к крутым парням. Предыдущее предупреждение об аннулировании лицензии служило только предупреждени-

ем, почти намеком на то, что есть возможность, но не более. А «упрятать на тридцать суток» – это уже конкретно. Следовательно, это не так страшно. Общаться с крутыми сложнее, и там бьют больнее...

– Поэтому я настоятельно рекомендую вам стать очень болтливыми, – советует Пулат.

– Кто поручил следить за мной? – сразу задает вопрос Ангел.

«Шныри» переглядываются.

– По закону, чтобы заставить нас отвечать на вопросы, вы должны предъявить санкцию прокурора. Кстати, мы пока даже не знаем, кто вы такие...

– Я не вижу необходимости предъявлять вам свои документы. Вы же не предъявляли мне свои, когда за мной уезжали...

– Если мы предъявим документы, разговор будет совсем иным и в ином месте, – гарантирует Тобако.

Это не совсем понравилось «шнырям». Сотрудники органов обычно документы предъявляют без ложной скромности. И что-то в ситуации показалось не совсем чистым.

– На «понт» нас брать не надо... Я двадцать лет в милиции прослужил. Всяких навидался, – старший говорит солидно, со знанием собственной цены.

– Будьте уверены, уважаемый, – не соглашается Пулат с этой оценкой, – если бы вы даже продолжали служить до сих пор и даже были бы сейчас в генеральской ментовской

форме, это не избавило бы вас от тридцати суток подвального времяпрепровождения. Это вполне серьезно и полностью соответствует дополнениям в законодательство, внесенным из-за необходимости более решительно бороться с терроризмом... Наверное, и с неразборчивым частным сыском тоже...

– Да кто вы такие в конце концов? – вдруг взвизгивает старший.

– Не твое дело, – резко отвечает Ангел и усердно чешет стволом пистолета лысоватый затылок сыщика. – Мне повторить вопрос? Кто поручил следить за мной?

«Шныри» опять переглядываются.

– Ладно... – на выдохе говорит старший, словно рукой обреченно машет. Он не видит особых причин для обострения ситуации. – Сегодня обратился клиент... Гражданин Шайтанов Сергей Алексеевич. Проверка предполагаемого партнера по бизнесу. Место работы... Контакты... Круг близкого общения...

– Дальше!

– Что дальше? – не понимает «шнырь». – Это все...

– Как вышли на меня?

– Телефонный номер... Мобильник... Он позвонил, мы засекли местонахождение...

– Каким образом вы засекли?

Сыщики опять переглядываются.

– Личные связи, – говорит младший. – Мы дружим с операторами. Они имеют такую возможность...

– Дальше!

– Дальше дождались на месте. Мы как раз недалеко были.

Успели вовремя...

– Кого вы ждали?

– Вас.

– У вас есть моя фотография?

– Вас показали.

– Шайтанов?

– Да.

Ангел вытирает со лба пот и лезет в карман. Вытаскивает большой бумажник, из бумажника – фотографию. Показывает через плечо старшему.

– Это он? Снимок восьмилетней давности.

– Он, – уверенно подтверждает «шнырь».

– Где его можно найти?

– Вот его телефон... – молодой «шнырь» протягивает картонный прямоугольник. Форма визитки, но не визитка, а простой кусок картона с написанным от руки номером мобильного. Ангел вытаскивает трубку и тут же набирает номер. Голос компьютера сообщает, что абонент или выключил телефон, или находится вне зоны досягаемости связи. Ангел, опустив голову, выходит из машины.

– А вас, господа, попрошу навсегда забыть номера, которые вы знаете... И первый, и второй... И не пытайтесь больше их определять. Это в ваших интересах... – Табако становится наставником.

– Так кто вы такие? – снова спрашивает старший. Он все не может понять – не «прокололись» ли они в своем откровении.

– Люди, которые привыкли отвечать за свои слова и действия. В отличие от вас... Впрочем, на завтра в управление антитеррора «Альфа» приглашен ваш директор... Ему кое-что объяснят. При повторении назойливого интереса вы отправитесь не на тридцать суток в подвал, а исчезнете навсегда... Без следа...

Тобако умеет говорить уверенно. И вообще у него всегда авторитетный вид. Ему верят. Особенно когда боятся поверить... А эти откровенно боятся...

Интерполовцы выходят из машины. Под их взглядами «шныри» чувствуют себя неуверенно. Разворачиваются, выезжают... Но через несколько метров останавливаются. Младший выходит из машины и направляется к интерполовцам.

– Заказчик будет звонить... Что ему сказать?

– Ему позвонят раньше...

– А если... Нам возвращать аванс? Или... Может, «брат» его?

– Он сам вас, уважаемый, «возьмет»... Всех скопом. Лучше не связывайтесь... – усмехается Пулат.

ГЛАВА 2

1

Солнце, попадая в оконные стекла соседнего дома, отражается в них и бьет в глаза. Пулат жмурится, но не отворачивается. Он любит солнце. Тобако стоит к отраженному солнцу спиной, смотрит себе под ноги.

– Что скажешь?

– А что я могу сказать? Хреново...

– Шайтанов Сергей Алексеевич... Ангел показывал фотографию сына?

– Да. Он всегда в бумажнике носит... Там Серега еще курсант... Выпускной курс...

Тобако пожимает плечами и садится в свой «БМВ». Уезжает вслед за «Мицубиси Лансер». Пулат вздыхает и поднимается пешком на третий этаж. Звонит. Ангел открывает дверь не сразу. А когда открывает, на руках у него видны свежие следы краски. Сразу, без вздохов, взялся за работу. За работой проблемы переносятся легче.

– Пожалуй, я помогу тебе сегодня... Только соседке позвоню, чтобы кошку покормила.

– Кажется, твоя соседка через три остановки живет?

– По московским масштабам – все равно соседка... Я уж

привык по-московски мыслить... Может, в магазин сбегать?

– Не надо. Поезжай домой. Отдохни...

– Но...

– Я сам... – Ладно... Негостеприимный ты хозяин... Только ты все равно последних новостей не знаешь. И тебе придется меня выслушать. Шайтанов – это тот человек...

Ангел кивает:

– Я знаю. Мне Басаргин звонил. И понимаю, что черт и ангел, как ты говоришь, всегда ходят рядом. Тем более если Черт – сын Ангела... Александр сделал запрос на Ангелова Сергея Алексеевича. В Интерпол. По поводу службы в Джибути...

– И что ты собираешься делать?

– Я собираюсь разобраться в ситуации. Но разобраться в ней должен я сам. Понимаешь?..

«Маленький капитан» вздыхает. Как такое не понять... Но когда друг рядом, все-таки легче бывает... Ангел, к сожалению, этого понять не хочет. Его дело...

Они прощаются. Ангел закрывает за Виталием дверь и возвращается на кухню к банке с краской. Кисточка ходит по панели вверх и вниз, вверх и вниз, и так очень долго... Так долго, что Ангел сам наконец замечает – он не панель красит, а размазывает краску по одному месту.

Он вздыхает и откладывает кисточку на табурет, рядом с банкой, открывает бутылку с растворителем и моет над раковиной руки. И уже с чистыми руками идет в комнату, где

оставил на подоконнике трубку сотового телефона. Снова набирает номер, который врезался ему в память.

На сей раз отвечает не компьютер, а приятный женский голос.

– Я хотел бы с Сережей поговорить...

– Извините, это не его номер. Он здесь больше не бывает...

– А вы кто? – спрашивает Ангел.

– Я? Знакомая... Бывшая. Всего хорошего...

Ангел долго слушает короткие гудки, наконец, складывает трубку. И тут же трубка сама дает о себе знать. Он смотрит на мониторчик с надеждой, что это звонит сын или хотя бы та женщина, с которой он только что разговаривал, желает сообщить, где и как Сережу можно найти, но это, оказывается, Басаргин.

– Как дела, Алексей?

А голос настороженный, словно боится проявить небрежность в теме, которая может больно отдаваться в сердце сослуживца. Ангел не любит такого тона по отношению к себе. Он сам человек жесткий и всегда хочет, чтобы с ним разговаривали жестко, напрямую.

– Ремонт в полном разгаре.

Басаргин вздыхает:

– Прерваться можешь?

– Есть необходимость?

– Да. Приезжай...

– Еду...

Он говорит это даже радостно, потому как уже сам пожалел, что отослал Пулата. Все-таки при общении не лезут в голову мысли о том, чего не можешь знать. Предположения тем и чреваты, что они всегда стремятся к крайним ситуациям, хотя в действительности никаких крайностей может и не быть. Все в итоге оказывается просто, а ты терзаешь себя загодя, представляя самое худшее.

* * *

К своему удивлению, Ангел застает в офисе всю команду в сборе. Даже Пулат отправился, оказывается, не на вокзал, а в свое любимое глубокое кресло рядом с входной дверью, где Александра постоянно кладет несколько свежих журналов из мира искусства – чтобы Пулату было что полистать. Любит он журналы, которые надо только листать, но не читать, и все об этом знают.

– Что-то случилось? – спрашивает Ангел.

– Прочитай для начала вот это... – Басаргин протягивает ему тот лист принтерной распечатки, что он зачитывал по телефону генералу Астахову. Ангел садится за стол, на привычное место Тобако, и включает настольную лампу. Но не потому, что на улице стало темнеть, хотя и в самом деле вечерний сумрак уже начинает мягко сгущаться, а потому, что включенная лампа создает магический круг. Даже днем, когда читаешь какой-то документ под светом настольной лам-

пы, этот круг очерчивает пространство твоего внимания и отгораживает от всего остального.

Отложив прочитанный лист, Ангел вздыхает:

– Пока это только подозрения. Доказательств его вины я не вижу.

Он серьезен и категоричен. Он готов сейчас защищать сына от чужих слов и от собственных мыслей, потому что знает, больше некому того защищать. И готов делать это до тех пор, пока не убедится в своей неправоте. Однако никто и не настаивает на вине Сергея.

– Это не протокол, – говорит Басаргин. – Это только информация... Запрос сделан по просьбе генерала Астахова. А теперь ответ на запрос по твоей просьбе...

Он подсовывает в магический круг настольной лампы новый лист принтерной распечатки.

Ангел читает, скрипит зубами и сжимает кулаки. Словно жалеет, что его самого не оказалось на месте происшествия в нужный момент. Другие с этим текстом уже ознакомились.

Легионер Сергей Алексеевич Ангелов был на хорошем счету у командования, за три года службы нареканий и взысканий не имел. В один из вечеров, отправившись вместе с другими легионерами из Джибути на Чертов остров¹² в Аденском заливе – традиционное место отдыха солдат легиона, – подвергся нападению неизвестных лиц, был кем-то

¹² Чертов остров – остров в Аденском заливе Аравийского моря, недалеко от бухты Гаджура.

жестоко избит и подобран уже утром в состоянии клинической смерти. Врачам с трудом удалось спасти жизнь Ангелова. Множество ножевых ранений – один из ножей едва-едва не коснулся сердца – и сложных переломов, большая потеря крови, отрублен указательный палец правой руки. Легионер не помнил, что с ним произошло. Как сам говорил, был в момент нападения сильно пьян. Однако экспертиза показала незначительное содержание алкоголя в крови. Наркотиков и наркосодержащих веществ, кроме «экстази», используемого в легионе на тренировках, при анализе не обнаружено. У командования легиона и у следствия сложилось мнение, что Ангелов не пожелал назвать виновных.

Сложность расследования обстоятельств покушения была обусловлена еще и тем, что в ночь нападения на легионера Ангелова из батальона дезертировали семь легионеров-арабов. Сначала высказывалось предположение, что они тоже подверглись нападению и убиты, а тела выброшены в Аденский залив, кишасший акулами. Впоследствии эта версия отпала, поскольку легионеры забрали с собой малогабаритные личные вещи и все письма. Следователь военной жандармерии, проводивший расследование, пытался связать бегство дезертиров с покушением на убийство Ангелова и обвинить беглецов дополнительно и в этом преступлении, но сам Ангелов такую версию категорически отрицал. Утверждал, что был в компании каких-то гражданских лиц, которых не помнит. Только через три месяца Ангелов был выписан из гос-

питался, но заключение медицинской комиссии не позволило ему продолжить службу. Некоторое время вращался в кругу криминальных русских бизнесменов, часто ездил в США. По данным, и там имел контакты с криминальными элементами.

В дальнейшем след Сергея Алексеевича Ангелова потерялся. Интерпол не располагает данными о его местонахождении в настоящий момент.

Ангел откладывает прочитанный лист в сторону и осматривает поочередно всех.

– Я понимаю, что начинается какое-то расследование... И я, очевидно, не должен принимать в нем участие как лицо заинтересованное? – спрашивает он с напряжением в голосе.

– Завтра утром, – говорит Басаргин официально, – наших представителей приглашает генерал Астахов. Маркировка на упаковке нитрата аммония, похищенного в Онфлере, совпадает с маркировкой, найденной на взорвавшейся вчера даче. На даче работали два студента-химика, наркоманы. Наверное, руки неверные, разлили серную кислоту или еще что-то такое же... На встречу пойдут, естественно, Тобако, как крупный специалист по связям с «Альфой», и... и Ангел... У нас, Алексей Викторович, нет оснований не доверять тебе... И еще... Алексей, просьба... Единственная фотография твоего сына, то есть лже-Шайтанова Сергея Алексеевича, у тебя... Ее необходимо размножить для оперативной работы. Не переживай раньше времени. Это не розыск. Это только

оперативная необходимость... Кстати, настоящий Шайтанов Сергей Алексеевич проживает в Самарканде, как правильно указано в паспорте лже-Шайтанова, и никуда не выезжал за пределы республики в течение последних семи лет. У него свой ресторанный бизнес, довольно процветающий. Это данные из управления антитеррора. Астахов быстро работает, когда ему надо...

На первый привал останавливаются недалеко от границы с Дагестаном.

Смешно... Россия считает Чечню своей территорией и назойливо это твердит, но держит пограничников между Дагестаном и Чечней. Значит, сами не верят в то, что говорят... Скоро Россия еще меньше будет верить самой себе. Термидор для того и призван, чтобы сделать это... Потом, по его примеру и под его общим руководством, также тайно пойдут другие. В разные страны. Куда направит совет... В первую очередь – в развитые страны. Там слишком хорошо живут в то время, когда миллионы детей в мире голодают. И почему голодать должны дети в тех странах, где правит ислам? Это несправедливо...

– Привал...

В этом большом деле Термидору труднее всех. Первым всегда труднее. Они наработывают опыт. Потом этот опыт будет изучаться. Для этого уже все готово. Изучаться в первую очередь будет реакция государства по средствам массовой информации. Выписаны газеты. Заготовлены адреса разнообразных интернетовских сайтов. Все, что будет нести информацию о деятельности группы Термидора и о реакции общества на эту деятельность. А самое главное, что они всегда будут уходить и останутся людьми тайны. Бу-

дет страх, произведенный его «фабрикой», но причина этого страха останется тайной. Они будут действовать молниеносно. С предельной жестокостью. Они будут сеять панику. Более страшную панику, чем нью-йоркская... Взорванные небоскребы не сумели разрушить основу. А надо разрушить именно основу. Национальную основу... Надо сделать так, чтобы сосед боялся соседа...

Термидор бросает свой рюкзак на землю и осматривается. У него цепкий взгляд. И всегда настороженный. Потому он и остается жить там, где погибают менее настороженные. Шесть его товарищей по легиону погибли, потому что не хотели быть настороженными всегда. Не умели такими быть. А он умеет. Он насторожен даже во сне. Такое внутреннее напряжение утомляет. Усталость накапливается. Когда-то придется искать способ эту усталость сбросить. Но пока еще силы есть. И надо эти силы тратить без остатка. Без расчета на завтрашний день. Только тогда получается все, что хочешь. А когда получится, тогда и отдохнешь... Отдых будет вполне заслуженным...

Они прошли сюда без остановки после бессонной ночи, когда была пробная «охота». День без остановки... В высоком темпе... Обедали на ходу. Холодными консервами. В график уложились. Термидор сам график рассчитывал. В соответствии со своими силами. Боялся, не все сразу втянутся. Нет... Ни одной жалобы не услышал. Марш держат нормально. Подготовка есть... С этими людьми можно дело делать...

– Костер разводить?

– Никаких костров...

– А если в яме?.. Никто не заметит...

Возражение Термидору не нравится. Он не любит возражений. Команда есть команда. Даже если командир не прав, выполнять следует беспрекословно. Но это он объяснит вскоре. Сначала надо мягче...

– Никаких костров. Ветер... Дымок... Запах... Пограничники... Слишком много в вас вложено. Риск необоснован...

Он умышленно говорит короткими рублеными фразами. Так лучше доходит. По себе знает. И приучает не возражать. Только в первое время желающие возразить находятся. Потом привыкают.

Когда-то, семь с половиной лет назад, он пришел вербоваться в иностранный легион. Без паспорта. Данные записывали со слов. Он назвал вымышленное имя, потому что имел неприятности с полицией. Но дату рождения назвал свою. Полковник-щепка со взглядом занозы говорил именно так. Коротко и конкретно. И это не настраивало на возражения.

– Теперь тебя зовут Термидор.

– Почему Термидор?

– Родился в первый день термидора¹³. Свободен... Следующий...

¹³ Термидор (буквально, дарящий тепло) – одиннадцатый месяц французского республиканского календаря, действовавшего в 1793—1805 гг., с 20 июля по 18 августа.

И никаких формальностей, никакого обсуждения. Термидор никому не сказал, как назвал его полковник, но все это уже знали и звали его именно так. И до сих пор зовут... Ему нравится – звучно... А свое настоящее имя он давно забыл. Намеренно, чтобы оно не мешало и никого на него не навело... Только один человек настоящее имя знает и произносит с любовью. Только с ней вместе оно существует...

* * *

Четыре часа сна... Короткое время...

Тем не менее Термидор просыпается несколько раз. Не показывая этого, поглядывает, не спит ли дежурный, который должен вовремя отправлять смену на посты и давать пинка тому, кто храпит. Термидор предупредил – никаких обид. Храпишь и не любишь пинки – нечего тебе делать в группе... Значит, ты покойник...

Те, кто на постах, спят на марше по два часа. Дежурный тоже два часа. Потом его сменяет другой.

Два часа – минимальная норма. Четыре часа – оптимальная. Если группа будет отдыхать пять часов, люди встанут разбитыми и уставшими – проверено. Точно так же, как после трех часов отдыха. Никто не знает, что такое в действительности число «четыре». Магическое число, способное творить чудеса. Только при температуре в четыре градуса трансформируется вода – холодная поднимается к по-

верхности, теплая опускается ко дну. Ни при какой другой температуре такого не происходит, потому что это против правил природы. И не родился ученый, который может это понять и объяснить. И еще куча чудес связана с числом четыре. Четыре часа сна дают возможность выспаться и сохранить бодрость. Лучше, если всегда спать по четыре часа... Не каждый это, к сожалению, может... Но на марше это норма...

* * *

Следующий день становится точным повторением дня предыдущего. Все светлое время в пути. Точно, как и рассчитал Термидор. Они выходят к деревне, когда солнце садится за дальний хребет где-то там, в Чечне. Но теперь позади уже почти весь Дагестан.

– С Россия прощаться будем? – спрашивает Пын. Лицо добродушное, наивное.

– Как? – сухо спрашивает Термидор.

– Деревня... Жителя много-много... Пальцев много-много...

Он шевелит своим указательным пальцем. Вошел китаец во вкус...

– Здесь живут правоверные мусульмане. Пусть себе живут...

Они сидят на опушке леса. За лесом – перевал, прикрываемый пограничниками. А от деревни в их сторону идет че-

ловек.

– Хочешь, я спрошу дорогу? – опять пристаёт Пын к командиру. – Моя умеет спрашивать, как надо...

– Он сам скажет. Я тоже умею спрашивать.

И Термидор выходит из-за деревьев. Делает человеку знак. Тот идет быстрее. Это проводник, который должен был прибыть на место точно в условленный час. Он и прибывает. И не удивляется, что его ждут. Проводник не знает, сколько километров пришлось преодолеть этим людям. Он даже не понимает, насколько это необычные люди. Но ему вовсе не нужно всего этого знать и понимать. Он – только маленький винтик в громадной машине, которая создана большими людьми. Винтик в машине мирового масштаба. Но каждый винтик необходим. Иначе механизм может дать сбой...

Дождавшись полной темноты, они выходят в сторону перевала. Проводник ходил здесь много раз, знает каждую тропинку, знает, в какое время и где находятся наряды пограничников. И сейчас он идет первым, задавая темп. Термидора предупредили, что проводник немолод. И потому, составляя график движения, он снизил скорость передвижения группы на этом участке вдвое. В действительности они идут еще медленнее. Проводник часто останавливается и прислушивается. Термидор молчит. Здесь не он хозяин и потому не командует, не торопит. Потом как-то незаметно, не ожидая этого, они выходят на дорогу. Проводник останавливается.

– Все. Мы в Азербайджане. Через три километра отсюда, сразу за поворотом, вас ждет грузовик. Через километр встретитесь с патрулем. Это пограничники. Азербайджанцы. Им заплачено. Не забудьте поздороваться. Пограничники любят, чтобы их уважали... Проблем не будет...

И он поворачивается, чтобы уйти. Термидор смотрит ему вслед. Хорошо бы сейчас послать Пына, пусть попрощается с Россией. Но кто знает, когда может понадобится в следующий раз этот человек, даже если он свидетель. Но – свидетель чего? Перехода через границу? Ну и что... Хоть не сезон, и в это время обычно ходят с другой стороны – наемники пробиваются к отрядам боевиков... Но мало ли... Контракт кончился... Воевать надоело... Если бы это был свидетель того, как они возвращаются в Россию, тогда следовало бы послать Пына...

3

Тобако приходится дожидаться, пока Ангелу оформят пропуск в здание. Ему самому давно уже восстановили постоянный пропуск. У Ангела же с этим зданием связаны неприятные воспоминания¹⁴, и он не любит его посещать. Тем не менее это дело касается его напрямую, и для выяснения обстоятельств он готов идти куда угодно, даже туда, где его готовы принимать не с распростертыми объятиями.

Генерала Астахова они застают в кабинете, за запахнутой настежь дверью. Рабочий стол завален бумагами, папками с документами, фотографиями. Вокруг стола столпились офицеры подразделения, большинство из которых привычно носят гражданскую одежду.

– Проходите, – делает Владимир Васильевич жест. – У нас тут маленький переполох. При профилактических мероприятиях всегда переполоха больше, чем при боевых... Сами, наверное, знаете...

Он поднимается из-за стола, чтобы пожать пришедшим руки. Тобако в управлении частый гость и уважаемый ветеран. Ангелова генерал едва знает. Только пару раз виделись.

– Еще что-то случилось? – спрашивает Тобако.

– Не случилось, а запуталось... Или ваши коллеги в Лионе напутали...

¹⁴ Действие романов «На войне как на войне» и «Операция „Зомби“».

– Обычно они бывают точными... Что не «вяжется»?

Астахов берет со стола очки, но не надевает их на нос, а только прикладывает к лицу, заглядывая в какую-то бумагу. Убирает ее в сторону, рассматривает вторую.

– Вот это... – но бумагу в руки интерполовцам не отдает. – Дело в том, что совпадение маркировки дает нам определенный след, по которому можно проводить активные оперативные мероприятия, а вот химический анализ, сделанный лабораторией, этот след отвергает. И мы просто в недоумении, по какому следу нам стоит двигаться... Время терять не просто жалко, а опасно...

– Ничего не понял... – мотает головой Тобако.

Он пытается заглянуть в лист, что генерал держит в руках, но тот бумагу отодвигает, должно быть, в ней еще что-то, не предназначенное для посторонних глаз.

– Что ж тут непонятного... У нитрата аммония, зарегистрированного в Онфлере, чуть-чуть иной химический анализ, в отличие от нашего, ставшего предметом расследования. Следовательно, может быть несколько вариантов. Как я понял из сообщения штаб-квартиры Интерпола, анализ партии был прислан с завода-изготовителя, поскольку в контейнере отправлялось всего пятьсот килограммов, которые и были похищены. На месте не осталось ни одного мешка, чтобы можно было провести анализ там же.

– Это понятно, – кивает Тобако.

Ангел угрюмо молчит и смотрит исподлобья. Это ему сей-

час малоинтересно. Он ждет разговора о Шайтанове Сергее Алексеевиче, поскольку генерал уже знает, что Шайтанов и Сергей Алексеевич Ангелов – это одно лицо. И потому Ангел предполагает, что в его адрес могут быть высказаны претензии. Более того, наверняка будут задаваться вопросы по биографии сына. Это необходимо, Ангел согласен, но неприятно. словно кто-то копается в его грязном белье...

– Есть вариант, – предполагает генерал, – что на заводе что-то спутали и прислали анализ другой партии. Поэтому попрошу вас сделать повторный запрос. Есть и другие сомнения... Уже оперативно-следственного характера...

Он делает впечатляющую паузу и смотрит поочередно на своих гостей, словно проверяя их готовность к принятию новой версии. Они молча ждут.

– Все остатки взорвавшегося дачного домика носят следы нитрата аммония и серной кислоты. Это и есть та самая взрывоопасная смесь... Был большой одновременный выброс... Кислота просто превратилась во взвесь. Следовательно, готовилось мощное взрывное устройство. Очень мощное... Части кровли разнесло в радиусе двух километров. Представляете, что это такое?.. И недалеко от домика разорванная упаковка. Полиэтиленовый мешок с маркировкой. Мешок слегка оплавлен, словно его выбросило из домика вместе со всем остальным, но отбросило недалеко, поскольку сам он весит не так много. Оплавиться мешок имел возможность только во время взрыва. Но... Но на стенках мешка

есть остатки нитрата аммония, однако отсутствуют остатки взвеси серной кислоты. То есть мешок, предположительно, был выброшен раньше, следовательно, не имел возможности расплавиться и чем-то был прикрыт, что защитило его от взвеси кислоты, разбрызганной по всему участку и даже по соседним. На листья растений попало, а на мешок нет. Или...

– Или мешок оказался на месте происшествия после взрыва, – за генерала досказывает Ангел.

– За короткий промежуток между самим взрывом и прибытием следственной бригады, – уточняет Тобако.

– Вот именно... – Астахов прищлепывает ладонью лист бумаги, словно ставит печать.

– Соседей много собралось?

– Конечно. Дачный сезон. Сразу сбежалась толпа. Со всех участков, в том числе и дальних.

– Они знают друг друга?

– Не все. Только близкие соседи... Кроме того, многие дачи снимают внаем... На все лето... Но, мне кажется, вы мыслите в правильном направлении. Именно поэтому мы не можем пройти мимо очевидного, на наш взгляд, факта. Вы уж извините, Алексей Викторович, – генерал смотрит на Ангела в упор, – но это оперативная необходимость.

– Появление Сергея Ангелова в момент кражи в порту Онфлер и его же появление в Москве в момент взрыва... – Ангел за генерала заканчивает мысль. – Я вас понимаю и не имею ничего против...

– Фотография, – напоминает генерал. – И давайте пока будем называть этого человека Сергеем Шайтановым, как он сам представился, хотя нам уже пришла фотография настоящего Шайтанова, жителя Самарканда. Это маленький, кругленький и лысый толстячок, не имеющий ничего общего с этим человеком, каким он представлен по словесному портрету. Думаю, фотография с дискеты подтвердит это же...

– Подтвердит... – Ангел молча протягивает дискету. Доктор Смерть отсканировал фотографию загодя, в присутствии самого Ангела, чтобы не отдавать оригинал в чужие руки. – Прошу учесть, что снимок сделан восемь лет назад, когда Сергей только заканчивал новосибирское училище спецназа. Маленькому толстячку трудно пришлось бы во французском иностранном легионе, даже если предположить, что его туда возьмут... Там даже подготовленному бойцу, судя по всему, пришлось несладко...

Генерал передает дискету своему офицеру:

– На распечатку и сразу в работу... Немедленно...

Ангел несколько секунд сомневается, смотрит на Астахова.

– Вы хотите еще что-то сообщить?

– Вот... – он протягивает картонный прямоугольник с телефонным номером. – Сейчас там отвечает какая-то женщина. Сергей, похоже, жил у нее... И пользовался ее телефоном. Свой номер он нигде не оставляет. Вчера он мне звонил на мобильник до того, как меня подключили к «прослушке»

через спутник. Но определитель не сработал... Это или специальная трубка с ААОНом¹⁵, или какой-то сбой связи... Мы имеем право предположить первое...

Генерал смотрит Ангелу в глаза и видит, как сузились у интерполовца зрачки. Тому физически больно работать против собственного сына, хотя он не воспитывает его с двенадцати лет, с тех пор как развелся с матерью Сергея. Астахов хорошо знает биографию Ангела, как, впрочем, и биографии остальных членов команды Басаргина. Навести такие справки – это служебная необходимость. Надо знать, с кем работаешь плечом к плечу и чего следует ждать от каждого сотрудника смежного международного ведомства. Более того, надо знать, кому доверяешь, потому что без доверия у них совместной работы может не получиться. В сейфах штаба «Альфы» даже хранится досье на Ангелова, собранное отделом генерала Легкоступова¹⁶. Астахов ознакомил с этим досье и Басаргина, но тот пожал плечами и сказал, что доверяет Ангелову полностью. Это Астахова слегка успокоило. И сейчас он ждал от отставного спецназовца сопротивления, а встречает понимание и сотрудничество, хотя заметно, что Ангелу такое сотрудничество дается нелегко.

– Что мы должны сделать?

– Вы имеете возможность поговорить с этой женщиной. С моей стороны такой шаг стал бы «расконсервацией». Только

¹⁵ ААОН – антиопределитель номера звонившего.

¹⁶ Романы «На войне как на войне» и «Операция „Зомби“».

прошу, если можно... аккуратно...

– Мы постараемся проявить корректность, – кивает Владимир Васильевич.

– Хотя я вполне допускаю, что это ничего не даст, – говорит Ангел. – Если он в остальном осторожен, то и в этом не сделает промашки. Боюсь, это просто случайно используемый телефон...

ГЛАВА 3

1

– Думаешь, он ограничится только тем звонком и не попытается к ней обратиться очно? – Селим, даже когда говорит совсем без улыбки, ослепительно сверкает удивительно белыми зубами. Это особенности дикции и артикуляции, вызванные индивидуальностью родного языка Селима, изобилующего непроизносимыми для белого человека сочетаниями согласных звуков. И он никак не может отделаться от привычки демонстрировать свой оскал, даже когда говорит на других языках. А других языков Селим знает множество. В прошлом месяце они были в Португалии, и Селим вдруг, к своему даже удивлению, заговорил по-португальски. Сейчас он сияет зубами, разговаривая по-русски. Иногда Сереже кажется, что эти зубы способны ночью вместо фонаря дорогу освещать – настолько белые...

– Пусть и найдет ее... Что с того... – за Сережу отвечает Таку, с привычной своей логичностью просчитав все варианты сразу. Она всегда сдержанна, невозмутима, и узкие глаза никогда не отражают чувств. – Они же только познакомились... Чуть-чуть познакомились. Дважды встречались. Никаких действительных координат. Только имя. Вот и все... И

просьба использовать ее телефон...

– О-о-о... Москва слишком большой город, чтобы оставлять его настолько бесконтрольным, – с осуждением качает головой Лари. – Здесь полиция не тем местом думает и не знает, что у нее под носом творится... Такие никогда не найдут...

– Здесь не полиция, а милиция и еще ФСБ, которая, к счастью, не умеет работать, как КГБ... Ей просто не позволяют пока, – поправляет Сережа. – А вообще, мне кажется, ты слишком много читаешь интернетовской информации и на ее основе делаешь выводы. Это не всегда дает объективную картину. Массовая информация тенденциозна. Она обязана нести в себе только то, что выходит за рамки обыденного. Тебе надо за обыденностью следить... А что касается попыток отца найти меня... Я считаю их нереальными. А на частных детективов я, кстати, и не надеялся. Использовал только в качестве подставы, проверяя реакцию отца. И его возможных партнеров.

– Что тебе это дало? – интересуется Селим.

– По крайней мере я знаю теперь, что он не пенсионер, коротающий свои вечера за телевизором. И дни проводит не на парковой скамейке за партией в шахматы с другим пенсионером. Они так быстро среагировали и провели ответные меры, что я уверен – круг общения отца составляют силовики. Только вот знать бы, государственные или криминальные. Это как раз то, что я надеюсь вычислить в дальнейшем.

Одно радует – второй объект моего внимания рядом с отцом. Капитан Пулатов... Надо хорошенько подумать, как нам это сделать, чтобы не попасть в положение частных сыщиков...

– А если они все еще работают на ГРУ? – спрашивает Селим. Он настырный и может любого замучить вопросами.

– Не путай ГРУ с ЦРУ. У ЦРУ есть свои следственные органы, у ГРУ таковых не имеется... По крайней мере на территории своей страны они стараются не заниматься розыском, – отвечает Сережа.

Он отходит к окну и долго в молчании смотрит на оживленную московскую улицу. Когда он был здесь в последний раз, Москва выглядела совсем иначе. Была милее, что ли... А теперь бешеными темпами американизируется и теряет свой облик. Нивелируется под другие утомляющие человека мегаполисы.

– О чем задумался? – не унимается Селим.

– О смысле жизни...

Сережа предположил сразу, что отец заметит слезку и отреагирует на нее реактивными ответными действиями. Частное детективное агентство – это не те специалисты, на умение которых можно положиться. Даже «наружка» ФСБ не всегда может справиться с человеком, который имеет не только специальную подготовку, но и большой багаж опыта. А опыт у отца в самом деле большой, судя по досье, попавшему в руки сына. Не только опыт работы в ГРУ, но и последующий. Тот опыт, про который мало кто знает. И «шныри»

провалились сразу и бездарно. Он наблюдал эту картину из окна подъезда соседнего дома с легкой усмешкой. Не над отцом насмеялся, а над частными сыщиками, которые попали в такую переделку и теперь, должно быть, думают, как бы им так изловчиться, чтобы не возвращать полученный аванс. Что возвращать деньги они не любят, это он понял сразу по их голодным лицам. Даже если не сумели эти деньги отработать хотя бы частично. Впрочем, частично они их отработали. Они дали Сереже адреса, по которым можно отца при надобности отыскать. А вот самого отца в тот момент, когда он покинул машину сыщиков и пошел в свой подъезд, как-то сразу потеряв былую выправку, Сереже стало просто жалко. Для него деятельность сына, а он сразу догадался, что это именно сын, стала неожиданным ударом. Ударом в спину... Очень хочется открыть себя и объяснить, но делом рисковать нельзя, не имеет он на это права...

Сережа хорошо знает школу, которую отец прошел, и знает, что сам он только начал ее проходить, когда прервалась его карьера офицера. Правда, он сумел многому научиться впоследствии. Не во время службы в иностранном легионе. Там делают только умелого бойца, но даже не такого качественного, какого делают в спецназе ГРУ. А уже после службы пришлось пройти школу основательную. Нашлись люди, которые захотели помочь ему в критическую минуту. И дали возможность получить высокооплачиваемую работу, требующую всего его умения, полного напряжения физических

сил и интеллекта. Выполняя именно эту работу, он и приехал в Москву. Здесь у него есть своя маленькая бригада...

Селим, негр из Нигерии, выпускник Кембриджа и при этом фанатично верующий магометанин. Прекрасный оперативник, умеющий добывать громадную кучу фактов. К сожалению, не умеющий их толково обобщить и сделать правильные выводы. Человек с громадным багажом знаний из самых разных областей применения, большинство из которых может ему никогда не пригодиться. Но он их постоянно накапливает, добывая новые и новые.

Лари, малайзиец, сверхопытный компьютерщик и хакер. Общение Лари с компьютером происходит на каком-то непонятном уровне, превосходящем уровень обыкновенного человека, даже и талантливого компьютерщика. На запредельном уровне... Сережа сам наблюдал, как приносят Лари сломанный компьютер. Он ставит его перед собой и может с нежностью смотреть на него несколько часов, даже не снимая кожуха, чтобы найти неисправность. Потом включает. Компьютер работает.

– И что? – спрашивают у Лари.

– Работает...

– А что было?

– Не работал...

И все... И никто, даже сам он, не знает, как это происходит...

И японка Таку, очень некрасивая кривоногая женщина,

но имеющая взамен женской привлекательности компьютер в голове, аналитик, каких свет не видывал – так ее характеризовали люди, отправляющие их на первое задание. Впоследствии Сережа убедился, что характеристика оказалась правильной. Таку – человек со странностями. Ей не совсем по душе методы, к которым прибегает группа, и она иногда умышленно уводит их в сторону. Потом Сережа спрашивает у нее, зачем она так поступает. Таку долго молчит, а потом заявляет, что имеет право на собственное мнение. Она гуманистка. И с ней бывает трудно общаться. Но деловые качества перекрывают недостатки, которые и недостатками-то назвать трудно.

Пятый член группы – Джон – сейчас отсутствует. Он на задании, но должен вот-вот прибыть в Москву. С его появлением многое связано. Практически на нем построена вся операция...

Все товарищи дополняют друг друга. И его в том числе.

Но обойтись своими силами в большом деле иностранцам невозможно. Даже он сейчас иностранец, потому что за те несколько лет, что не был в России, она кардинально изменила свой характер. Необходимо иметь поддержку среди людей, прекрасно владеющих обстановкой в стране и таких же опытных, как они сами... Сережа планировал привлечь отца и его друга Виталия Пулатова, у которого на коленях когда-то проводил много часов. Данные и на отца, и на Пулатова – Сережа привык звать его просто дядей Виталием – ему

собрали за неделю, включив все возможности организации, в том числе и ее опытных хакеров, и агентуру в России. Оба бывших спецназовца оказались под наблюдением ФСБ, что для таких людей естественно, тем не менее досье не дало ответа на главный вопрос – чем два капитана-инвалида занимаются в настоящее время...

– В России сильные личности всегда были в почете, – перед отправкой давал советы Джават Даут, один из руководителей «Пирамиды», бывший полковник афганской армии, потом моджахед, успешно воевавший против Советского Союза у себя на родине. – Сейчас там такое время, что капитаны в состоянии применить себя. И они наверняка применяют. Им не дадут отсидеться в уголке и в тишине. И уже их собственный выбор определяет, чем они занимаются – нищенствуют, служа в силовых структурах, или зарабатывают большие деньги, противопоставляя себя этим структурам... Вам следует внимательно присмотреться – что представляют собой сейчас ваш отец и его друг. Очень внимательно... То, что ваш отец был некоторое время киллером и за ним возможны некоторые «хвосты», не играет решающей роли в вашем выборе. Я думаю, вы в состоянии эти «хвосты» обрубить самым решительным образом. А известные факты вы можете использовать с выгодой для развития ситуации в свою пользу. Вы сами читали, как его толкали к этому. Впоследствии он вышел из кризиса – это мы знаем. Но вполне может статься, что осталось что-то незакрытое... Осторож-

нее... Тем более мы не знаем, чем он стал заниматься...

Самому Сереже не слишком нравится идея проверки родного отца – человека, которому он всегда стремился подражать, несмотря на то что отец жил отдельно от них с матерью. Отец – это учитель и первый на всю жизнь главный авторитет. Но в то же время, как человек ответственный, Сережа понимает, что без проверки обойтись нельзя. Включать в работу свою бригаду бессмысленно. Они ориентируются в российской обстановке еще меньше, чем он. Поэтому самым естественным показалось использование сотрудников частного детективного агентства. Хотя на их специальную подготовку, как решил Сергей, ему рассчитывать трудно. И не ошибся...

* * *

– Сережа, интересное сообщение... Из Чечни... – протягивает Лари лист принтерной распечатки.

Так заведено, когда они приезжают работать в какую-то страну, а вместе они работают уже одиннадцать месяцев, то разговаривают на местном языке. Все. Чтобы иметь больше практики. Лари и Таку разговаривают по-русски неплохо. Труднее приходится Селиму. Его артикуляция больше мешает, чем помогает произносить слова правильно.

Сережа берет в руки лист, читает раз, два и три... И застывает с этим листом в руках.

– Что там такое? – спрашивает сидящая у стены Таку. Она часто садится на пол именно у восточной стены – в любой стране, лицом на восток. Может быть, это ритуал, может быть, медитация, хотя трудно предположить, что можно серьезно медитировать при общем разговоре. И хотя Таку не носит кимоно и национальные прически, все равно по позе, в которой она застывает, любой определит японку.

– Сообщение... – уточняет Лари. – В Чечне на территории одного района в одну ночь убито тридцать два мирных жителя. Шесть мужчин, два подростка, остальные женщины. У всех отрублен указательный палец правой руки. Между собой эти люди никак не были связаны, большинство были даже не знакомы. Следствие в замешательстве. Такие действия напоминают ритуал...

– Что скажешь? – Селим обращается к Сереже.

Тот не спешит с ответом. Еще некоторое время стоит молча, потом вздыхает.

– Началось... Они идут...

– Когда, думаешь, будут?

Вместо командира отвечает Таку:

– Через пару дней они объявятся в Москве...

– Почему не раньше?

– Они придут из третьей страны. Будут переходить границу... Это же естественно... Термидор всегда очень осторожен...

– Надо готовиться к встрече... Лари, связывайся с Нью-

Йорком... Что там с нашей просьбой? Долго будут расшевеливаться?..

* * *

Лари сосредоточен... Пальцы не торопятся, нажимая клавиши компьютерной клавиатуры. Словно он не помнит все буквы. Впрочем, это не так и далеко от истины. Лари привык работать с текстами на английском языке. В России английский в Интернете используют только при наборе адресов и ссылок. А забравшись в чужой сайт, ему приходится ориентироваться и обучаться на ходу. Он еще привыкает к русским командам, и взгляд не всегда находит нужную клавишу сразу.

– Что ты так долго возишься... – недовольно ворчит нетерпеливый Сережа и посматривает на часы. Ему нужно идти, но перед этим хочется узнать необходимое.

Лари смотрит на командира снизу вверх. Он и без того ростом слегка не дотягивает до ста шестидесяти сантиметров. А сидя за компьютерным столиком становится совсем маленьким.

– У ФСБ сложная система защиты. Любое подключение автоматически фиксирует номер. Я пытаюсь ввести фальшивый номер...

– Ты же работаешь через мобильник.

– Ты уверен, что это создаст для них проблемы, которые

трудно решить больше чем за пять минут?

– Работай с моего, он с антиопределителем...

– Это не спасет. Они запросят оператора, и все...

– Делай... Делай, – вздыхает Сережа и опять поднимает руку с часами.

– Я уже почти добрался... Только не понимаю... Что такое буква «ять»?

– Буква старорусского алфавита. Вместо «ять» набирай твердый знак. Должно пройти.

– Так нельзя. Так могут зарегистрировать... Должно – это опасно. Надо знать точно.

– Нет такой буквы в клавиатуре.

– Что лучше, набирать словом или ставить твердый знак?

– Словом, – подсказывает Таку. – Я встречалась с аналогией в испанском. Твердый знак может быть в другом слове. Это тест на подлинность... Кто не знает, наберет знак в современном написании. Так проще.

– Пробую... Если что, сразу выбрасываю мобильник в форточку. Есть... Прошло...

– Что там?

– Распечатываю... Три документа...

Сережа принимает документы прямо с принтера. Читает.

– Что там? – повторяет его же вопрос Селим. Селиму нужно знать все и немедленно. Он сам не всегда знает – зачем, но спрашивать будет.

– Они нашли-таки мой мешок. Так... Это хорошо, но

неприятно другое. Здесь мы прокололись. Надо было мешок подбросить раньше... Экспертиза не нашла на мешке следов взвеси серной кислоты.

– Раньше подбрасывать было рискованно. Его бы просто унесло взрывной волной на другой участок. Далеко... А там бы выбросили в мусор, – говорит Таку.

– Все равно плохо... Не просчитали. И еще... Нитрат аммония отличается составом от похищенного в Онфлере... Должно быть, к ним не попали данные на Термидора, если они начали копать так глубоко. И потому они ищут не его, а Шайтанова Сергея Алексеевича... Лари, попроси Нью-Йорк еще раз подбросить информацию... Может, пройдет со второго раза... Теперь через другого человека...

Он осматривает всех с легкой улыбкой на лице. И видит во встречных взглядах тень беспокойства.

– Почему они ищут тебя? Какое ты имеешь отношение к взрыву? – любопытный Селим таким поворотом дела недоволен. Еще бы быть довольным, когда подставляли противника, а подставили, оказывается, себя. И из охотников превратились в предмет охоты...

Сережа читает второй лист. И объясняет.

– Да... Вот здесь... Потому что Шайтанов Сергей Алексеевич проходит подозреваемым в похищении партии нитрата аммония в Онфлере. Им передали данные из Интерпола...

– Опять Интерпол лезет, куда его не просят... Вечно он под ногами мешается, – ворчит, по-людоедски сияя зубами,

Селим. – В Америке его почти не слышно. А здесь – на каждом шагу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.